

ЖЕНА -
КАЛЕКА
ДРАКОНУ
(НЕ) НУЖНА

КРИСТИНА ЮРАШ

Кристина Юраш Жена - калека дракону (не) нужна

<https://litres.ru/74250109>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Не ждите благодарности, миледи. За ненужное спасение не благодарят. Лучше думайте о своих ногах. Неизвестно, когда вы в следующий раз на них встанете.

Сказал герцог Эдельгейм, пока я лежала у его ног придавленная аркой и истекала кровью.

У меня было две секунды, чтобы спасти незнакомца от падающей арки. Я спасла. Но вместо благодарности получила сломанный позвоночник, мать, которая отдала мою компенсацию сестре, упущенное время и приговор: «Ты никому не нужна, жена-обуза».

Король заставил герцога жениться на мне, чтобы отбелить репутацию: год фиктивного брака, лучшие маги для исцеления и полное отсутствие чувств.

Его "пассия", известная танцовщица с редким даром, была в гневе! Как так он женится не на ней, а на мне!

Он думает, что я сломлена.

Что я буду тихо лежать в его поместье, ждать развода и молиться на его портрет. Он не знает, что внутри меня просыпается редкий дар, покруче, чем у его дамы сердца. Я намерена получить развод, как только встану на ноги.

Содержание

ПРОЛОГ	7
Глава 1	13
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	52
Глава 13	56
Глава 14	59
Глава 15	62
Глава 16	66
Глава 17	69
Глава 18	72
Глава 19	75
Глава 20	79
Глава 21	83
Глава 22	86

Глава 23	90
Глава 24	93
Глава 25	96
Глава 26	99
Глава 27	102
Глава 28	105
Глава 29	107
Глава 30	111
Глава 31	114
Глава 32	117
Глава 33	120
Глава 34	123
Глава 35	127
Глава 36	131
Глава 37	134
Глава 38	137
Глава 39	140
Глава 40	143
Глава 41	146
Глава 42	149
Глава 43	152
Глава 44	155
Глава 45	158
Глава 46	161
Глава 47	167
Глава 48	170

Глава 49	173
Глава 50	177
Глава 51	180
Глава 52	184
Глава 53	187
Глава 54	191
Глава 55	194
Глава 56	197
Конец ознакомительного фрагмента.	198

Кристина Юраш

Жена - калека

дракону (не) нужна

ПРОЛОГ

— Не ждите благодарности, миледи. За ненужное спасение не благодарят. Лучше думайте о своих ногах. Незвестно, когда вы в следующий раз на них встанете.

Красавец, которого я только что вытолкнула из-под падающей каменной арки, смотрел на меня сверху вниз. Он побледнел, но его бирюзовые глаза были лишены всякого сочувствия. В них читалось лишь раздражение.

Где-то подо мной, в складках вишневого бархата, растекалась кровь. Я чувствовала ее тепло. Видела, как густая алая нить ползет по белому камню, впитываясь в золотую пыль, осевшую после грохота.

Я попыталась что-то сказать. Губы шевельнулись, но из горла вырвался лишь хрип. Боль еще не пришла. Пришло онемение. Страшная, всепоглощающая пустота ниже пояса.

Сердце билось где-то под ключицами, словно испуганная птица, ищущая выход из слишком тесной клетки. В ушах звенело, но сквозь этот звон я отчетливо слышала одно сло-

во:

— Дура.

Уголки его губ опустились вниз, а темные брови нахмурились. Я едва не потеряла сознание. Гул толпы заполнял все внутри, словно жужжащий рой.

— Помогите! Арка упала на девушку! Целителей! Быстрее! — кричали вокруг, и этот шум, казалось, доносился со дна глубокого колодца.

Толпа собиралась вокруг нас. Дамы охали, прижимая к губам кружевные платки, мужчины бледнели и пятились назад, боясь запачкать лакированные туфли чужой кровью и пылью. Кто-то бросился поднимать обломки, кто-то орал, что их нельзя трогать. Что сделают только хуже.

Красавец даже не посмотрел в сторону зевак. Он смотрел только на меня.

И вдруг его лицо исказилось. Не от боли. От злости. Холодной, хищной злости.

— Дура, — сказал он. Тихо. Четко. Каждое слово падало на меня тяжелым камнем. — Просто дура!

— Да как вы смеете, — простонала я. — На моем месте сейчас лежали бы вы...

— У меня бы даже синяка не осталось! — резко, почти с рычанием ответил незнакомец. — Эта конструкция сломалась бы о меня. В худшем случае испортила бы мне настроение.

Его руки, лежащие на обломках камня, вдруг изменились.

Кожа потемнела, покрылась жесткой, темно-синей чешуей. Мышцы на его предплечьях вздулись, чешуя вспыхнула тусклым светом.

Он легко, почти небрежно приподнял многотонную арку, которая придавила меня, словно она весила не больше сухой ветки.

Толпа замерла. Кто-то вскрикнул.

Но он не слушал. Он смотрел на меня сверху вниз, и в его глазах горел огонь древнего, опасного зверя.

— Дура, — повторил он, словно выплюнул это слово мне в душу.

— О, боги! Бедная девочка! — всхлипнула дама в зеленом бархате, падая на плечо своего спутника. — Какой ужас! Фред, давай пойдем домой! Я не могу на это смотреть!

— Вы это видели? Она спасла герцога! — шипели в толпе. — Просто толкнула его и... не успела отскочить...

— Бедняжка не знала, что он — дракон! Что его предок руками крушил башни!

Герцог резко повернул голову в сторону толпы, а потом бросил на меня взгляд, полный гнева и раздражения.

Но я не могла думать о его гневe. Меня накрывала тошнота. Холодная, липкая. Я пыталась пошевелить пальцами ног, послать им какой-то сигнал, приказ, мольбу. Ничего. Тишина. Мертвая, звенящая тишина.

В воздухе висела золотая пыль от разрушенной лепнины. Она садилась мне на ресницы, на губы, оседала на вишне-

вом бархате платья, которое мама утром назвала “последним приличным шансом нашей семьи”.

Смешно. Этот шанс оказался последним во всех смыслах.

— Лекаря! — заорал кто-то. — Немедленно лекаря!

— Не трогайте ее! Спину не трогать!

И тут мир взорвался белым.

Ослепительные вспышки магических камер били со всех сторон, выжигая сетчатку. Я хотела закрыть лицо, поднять руку, отгородиться, но пальцы лишь слабо дернулись в стороны. Тошнота подступила к самому горлу, пахнущему медью.

— Флорис Моллард!

Голос матери прорезал гул.

Она пробивалась сквозь толпу, сжимая в руках два стакана с пуншем.

Увидев меня, ее пальцы разжались. Хрусталь разбился о мрамор. Сладкий, приторный запах ягод и вина смешался с запахом моей крови, и меня едва не вывернуло.

Я впервые за этот день обрадовалась. Вот она. Сейчас она упадет на колени. Сейчас обнимет меня. Сейчас скажет хоть что-нибудь теплое... Мне сейчас так плохо... Мне так нужна поддержка.

— Флорис Моллард! — закричала мать, и в ее голосе не было ни капли любви. Только чопорное возмущение. — Как тебе не стыдно лежать на полу! А ну... А ну быстро вставай! Здесь аристократы! Женихи! Король!

Она рывком обернулась к толпе, раскидывая руки, словно пыталась закрыть меня собой от чужих глаз.

— Прошу вас, не смотрите! — взвизгнула она.

Она повернулась ко мне, и ее лицо исказилось от ужаса.

— Флорис! Если ты немедленно не встанешь... Ты испортишь себе репутацию! Не хватало еще позора на нашу семью! Немедленно поднимайся!

Вспышки камер били в глаза. Мир превратился в комок тошноты, застрявший в горле.

— Как вы смеете снимать ее! — мать заметила репортеров. — Уберите ваши вспышки! Это не новость для первых полос!

Она подлетела ко мне, впилась ногтями в мое плечо, пытаясь дернуть меня вверх.

— Быстро вставай! Иначе завтра ты будешь на первой полосе! Хватит позорить семью!

— Отойдите, мадам! — грубый голос заставил мать замереть. — Быстро в сторону! Пропустите лекаря!

— Какой лекарь? Зачем лекарь? — мать огляделась, ее глаза бегали, не в силах сосредоточиться на сути.

— Мисс, — надо мной склонилось старое, морщинистое лицо. От него пахло лавандой и чем-то горьким, аптечным. — Сейчас мы постараемся оказать вам помощь... Потерпите... Хорошо?

Мир плыл. Золотая пыль кружилась перед глазами.

— Прошу вас. Постарайтесь не терять сознание, — бор-

мотал старик, его руки, светящиеся слабым голубым светом, зависли над моим позвоночником. — Держитесь, мисс...

Охрана в праздничных livреях, наконец, очнулась и начала оттеснять гостей, создавая коридор.

— Нет! Не вздумайте задираТЬ ей юбку при всех! — пронзительный визг матери разрезал воздух. Она пыталась встать между мной и целителями, распухшая от важности и паники.

— Леди! Прошу вас! Успокойтесь! Вы... вы мешаете! Вы сами гробите свою дочь, мадам! Кто-нибудь! Оттащите ее! Здесь каждая секунда на счету!

— Нет! Я не позволю! Ей еще замуж выходить! — мать оттолкнула лекаря, ее лицо было красным, вены на шее вздулись. — Вы что? Хотите опозорить будущую невесту! Это мне, а не вам выдавать ее замуж! Мне!

Глава 1

Старый лекарь рывкнул на охрану. Двое крепких мужчин схватили мать под руки. Она дергалась, визжала, требовала прекратить, но ее голос потонул в гуле толпы и треске магических камер.

— Режьте платье! — скомандовал доктор, падая на колени рядом со мной. — Потерпите, мисс... Просто потерпите... Все будет хорошо. Я понимаю, что это позор... Но жизнь... Она ведь намного дороже мнения людей, правда?

Он выдохнул это так сухо, словно произносил заученную молитву, в которую сам давно не верил. Лезвие ножа рассекло тяжелый вишневый бархат. Холодный воздух коснулся кожи, и я задрожала.

— Вы... вы что-нибудь чувствуете? — спросил доктор, его пальцы скользили по моей спине, оставляя за собой жгучий след целительной магии. — Сейчас?

— ПРЕКРАТИТЕ НЕМЕДЛЕННО!!! — завизжала мать где-то вдалеке.

Я с трудом разлепила веки.

— Чувствуете? — повторил целитель, и в его голосе появилась та самая страшная, жалкая надежда.

— Нет... — прошептала я. Голос звучал чуждо, словно доносился из другого конца комнаты.

— Вы портите репутацию дочери! — доносился истерич-

ный крик из-за спин охранников. — Не смейте!

— Так, кровь остановили... Кости... Кости срослись, — бормотал лекарь, его руки светились все тусклее. — Мисс... Попробуйте пошевелить ногой...

Я послала приказ. Я кричала им, моим ногам, умоляла их. шевельнитесь, хотя бы пальцем, хотя бы мышцей.

Ничего. Пустота. Словно ниже пояса ничего не было...

— Плохо дело, — доктор откашлялся, отводя взгляд. Его руки дрожали. — Повреждение слишком тяжёлое... Позвоночник... Обычной магии здесь недостаточно. Без сильного восстановителя она вряд ли сможет ходить. Позвоночник... Наша магия тут бессильна... Вряд ли она сможет ходить...

Я закрыла глаза.

Это был конец. Приговор, подписанный не судьбой. В этом мире, где репутация значила больше жизни, у меня не было даже матери. Была только женщина, которая сейчас торговалась с лекарями из-за задранной юбки.

И был герцог, которому я спасла жизнь, и который смотрел на меня с той самой безразличностью, с которой смотрит человек, которого втянули в чужие неприятности.

Слезы выступили на глазах, а я поняла, что зря... Зря я бросилась спасать незнакомца... Зря я испугалась за его жизнь... Но я ведь... Я ведь не знала! Я всего пять лет в этом мире, и много чего еще не знаю...

Я судорожно задышала, словно воздуха стало не хватать.

У меня ведь было всего две секунды, чтобы решиться...

Две секунды... Мне некогда было думать...

— Нужны носилки, — тихо сказал лекарь. — И полная неподвижность. Спину нельзя сгибать. Ее лучше доставить в дворцовый лечебный корпус.

— Нет, — резко сказала мама, подлетая к нам.

Лекарь поднял голову, удивленно моргнув.

— Миледи?

— Домой. Ее повезут домой!

— Но во дворце есть все необходимое... Может, мы еще успеем ей помочь!

— Домой! — голос мамы сорвался на визг. — Вы хотите, чтобы весь город видел, как мою дочь несут через столицу? Чтобы ее имя полоскали на каждом углу? Вы уже достаточно опозорили ее этим... этим... вашим раздеванием! Как мне теперь выдавать ее замуж?!

— Ее состояние может ухудшиться в дороге! — повысил голос лекарь.

— Хуже уже некуда, — сказала мама. — Я — мать. И я решаю, что для моей дочери лучше, а что нет!

Молчание обрушилось на павильон, такое тяжелое, плотное, что даже камеры перестали шелкать. Воздух вдруг стал ледяным. Или просто слезы показались мне слишком жаркими.

А потом одна камера все же щелкнула. Звук был громким, как выстрел.

Мама вздрогнула и обернулась.

Только сейчас я осознала, что все это время, пока лекари суетились, пока мать торговалась за мою репутацию, герцог не отходил.

Он стоял рядом. Его рука, все еще покрытая темно-синей чешуей, лежала на краю каменного обломка. Он не просто стоял. Он удерживал тяжесть. Тонну, две, три камня, который уже сделал свое дело, раздавив мою жизнь.

Мне вдруг захотелось его ненавидеть. Очень. До дрожи, до скрежета зубов. Ненавидеть за то, что он — дракон. За то, что в его глазах не было ни капли благодарности. За то, что его тело было крепче камня, а мое хрупкое, как стекло.

Но ненависть требовала сил. А сил не было. Была только звенящая пустота внутри и холодный мрамор под спиной.

Он держал арку одной рукой. Камень крошился под его пальцами.

Не от тяжести.

От того, как сильно он сжимал его.

— Я не знала, что вы дракон, — сказала я.

Глава 2

Голос получился тихим и хриплым. Не знаю, зачем я вообще стала оправдываться. Может быть, хотела, чтобы он понял: я не бросалась под арку ради благодарности. Я думала, что спасаю человека.

Герцог долго смотрел на меня, а затем его взгляд скользнул к матери, которая что-то яростно доказывала лекарю, то и дело повторяя слова «репутация» и «замужество».

Его лицо стало ещё холоднее.

— Сразу предупрежу, миледи: таким способом замуж не выходят.

Я даже решила, что ослышалась.

— Что?

— Я не собираюсь жениться на женщине исключительно потому, что она совершила у меня на глазах подобную глупость.

Несколько секунд я просто смотрела на него. Потом внутри вспыхнуло что-то горячее. Настолько горячее, что даже холод каменного пола перестал ощущаться.

— Да что вы за невыносимый человек?! — выдохнула я.

— Почему вы вообще решили, что я собиралась за вас замуж? Я даже не знала, кто вы!

Его бровь едва заметно приподнялась.

— Тогда, полагаю, вы рассчитывали на щедрую награду?

— Я ни на что не рассчитывала!

Голос сорвался. Перед глазами снова поплыло, но я уже не могла остановиться.

— Я увидела, что арка падает. У меня было две секунды. Всего две! Я просто хотела спасти вам жизнь!

Он замер.

Всего на мгновение. Но его пальцы сильнее стиснули край каменного обломка, и тот с сухим хрустом раскрошился в его ладони.

— Мою жизнь не требовалось спасать, — произнёс он наконец.

— Теперь я уже поняла.

Он посмотрел на меня. В его глазах больше не было вертикальных зрачков, но глубина их казалась бездонной, холодной и древней. В них читалось не сочувствие. Сочувствие было бы оскорблением. В них читалось презрение.

— Именно поэтому благородным девушкам не следует бросаться под падающие арки ради незнакомых мужчин, — произнес он. Его голос был ровным, но я чувствовала, как он вибрирует в воздухе, заставляя кожу покрываться мурашками.

— В следующий раз сначала попрошу у вас родословную, — простила я, закрывая глаза от накатывающей слабости.

Лекари начали осторожно перекладывать меня на жесткие носилки. Каждое движение отдавалось в позвоночнике тупым, огненным ударом, а ниже пояса продолжала звенеть

тишина.

— Следующего раза не будет, — отрезал герцог, отпуская арку.

Все обрушилось на то место, где я только что лежала. Каменная крошка смешалась с моей кровью.

— Согласна, — выдохнула я, кашляя пылью. — Этот вышел неудачным.

Я была тяжелой для самой себя. Грузом, который нужно было куда-то деть.

Мама шла рядом, ее пальцы нервно дергались, пытаюсь поправить мне волосы, убрать пылинки с плеча.

— Не плачь, — шептала она, ее голос дрожал, но не от жалости. — Только не плачь. Девушки хорошего рода не рыдают перед толпой. Смотри в сторону. Нет, не туда. Там газетчики. Подбородок выше.

У входа в павильон вдруг поднялся шум. Толпа зашелестела, расступаясь, словно трава под косой. Все разом склонились в поклонах.

— Его величеству уже сообщили об инциденте. Его величество хочет видеть эту мужественную девушку! — прогремел глашатай.

Старый король стоял у края красного ковра. Маленький, сухой, в темно-синем мундире, увешанном орденами. Он смотрел на разрушенную конструкцию, на обломки, на герцога, стоящего неподвижно, словно статуя, и, наконец, на меня.

— Господи, волосы... Кто-нибудь, шпильку! Дайте мне шпильку! Вы же видите, что у нее растрепалась прическа! — засуетилась мать, ныряя в сумочку.

Король подошел ближе. Вспышки камер снова забили по глазам. Он что-то тихо сказал мужчине в золотом шитье, и тот, кивнув, громко, на весь павильон, произнес:

— Его величество восхищен подвигом этой девушки!

И все. Просто восхищен. Король кивнул, развернулся и зашагал прочь, сопровождаемый свитой. Ну да, а что я ждала? Слез сострадания? Королевского указа о пожизненной пенсии?

Я была просто эпизодом. Случайностью, которая не стоила потери королевского времени.

— Ой, пустите! — слышался голос матери. Она очутилась рядом со мной, пока я лежала на носилках. Ее теплая, мягкая ладонь гладила мою руку.

Но самое страшное было не в том, что она гладила меня.

Самое страшное было в том, что она не смотрела на мое лицо. Ее глаза смотрели через мое плечо — прямо в объективы магических камер, выбирая ракурс, где ее профиль и моя «трагедия» смотрелись бы наиболее выгодно для газетных утренних выпусков.

Герцог смотрел на меня.

И в его взгляде не было благодарности.

Только холодная, злая усталость человека, которому только что навязали чужую трагедию.

Глава 3

Носилки качнулись, и меня затошнило. Желудок подкатил к самому горлу, но я не почувствовала этого до конца. Моя нижняя половина казалась чужим, мертвым грузом, который просто везли куда-то в мешке.

Мне казалось, что эта мучительная дорога никогда не кончится. Раньше я могла смотреть в окно. Теперь я смотрела только в потолок.

Только сейчас до меня начало доходить, что моя жертва... Она... Она была напрасной. Герцогу ничего не угрожало.

Интересно, он хотя бы спросил, куда меня увезли?

Мысль появилась сама — жалкая, унижительная. Я тут же попыталась её отогнать, но она уже зацепилась за меня и не отпускала.

Он знал моё имя. Мама выкрикнула его на весь павильон. Он видел, как меня укладывают на носилки. Слышал, что лекарь предлагал дворцовый лечебный корпус, а мама потребовала везти меня домой.

Наверное, он мог бы остановить её одним словом.

Одним.

Ему бы даже не пришлось поднимать каменную арку. Достаточно было сказать охране, чтобы носилки повернули в другую сторону.

Но он не сказал.

Я закрыла глаза, чувствуя, как карета подпрыгивает на очередном камне.

Почему он должен был вмешиваться? Он ясно дал понять: спасти его никто не просил. Я сама бросилась под арку. Сама выбрала. Сама теперь расплачивалась.

Возможно, к этому моменту герцог уже забыл моё лицо.

А я почему-то помнила его слишком хорошо. Бирюзовые глаза. Тёмные брови. Чешую, вспыхнувшую на руке. И то, как легко он поднял камень, под которым навсегда осталась моя прежняя жизнь.

Лучше бы забыла.

И вот карета остановилась. Я почти выдохнула с облегчением.

— У парадного входа наверняка уже караулят газетчики, — шипела мать, идя рядом с носилками. Она говорила тихо, но в ее голосе звенело такое напряжение, словно она боялась, что я услышу и буду осуждать. — Они способны на всё ради снимка. Даже приличия не соблюдают.

— Мадам, нам всё равно, через какую дверь входить, — устало отозвался лекарь. Его дыхание сбивалось. — Главное — не наклонять носилки. Позвоночник должен оставаться неподвижным.

— Конечно, конечно. Я лишь забочусь о дочери.

На последних словах она повысила голос. Так говорят с прислугой, чтобы убедиться, что тебя правильно поняли.

Кухонная дверь со скрипом отворилась.

Ударил густой запах вареной капусты, сырой золы и прокисшего теста. На плите, шипя, булькала единственная кастрюля. Медный чайник, который я помнила блестящим, потемнел у ручки, покрытый жирным налетом. На стене белело прямоугольное пятно — след от второй антикварной полки.

Ту, что была здесь, мать продала вместе с половиной серебра еще прошлой зимой, чтобы оплатить долги отца.

Носильщики развернулись боком. Их плечи задевали косяки.

Я ничего не чувствовала.

Совсем.

Ниже талии меня не существовало. Там, под слоями тяжелого вишневого бархата, лежало чужое тело. Оно было обуто в мои туфли, но оно мне не принадлежало.

— Осторожнее! — одернула мать носильщиков. — Вы сейчас всё разнесёте!

Тот, что нес изголовье, медленно повернул голову. В его глазах не было ни капли уважения к титулу.

— Мадам, мы несём вашу дочь!

— Я вижу, что вы несёте! Но... дверь тоже денег стоит! А у меня нет возможности чинить ее и реставрировать! — ответила мать.

Носильщик промолчал, лишь крепче перехватил жердь.

Меня пронесли по коридору, а я понимала, что будь на моем месте новый диван, мать бы тряслась над ним куда больше.

С высоты носилок дом выглядел как изнанка чужой жизни. Я никогда не видела его снизу, с высоты плинтусов и дверных ручек. И теперь видела всё, что мать так старательно прятала за закрытыми дверями и тяжелыми портьерами.

Обои у пола разошлись по швам, обнажая серую, крошащуюся штукатурку. Кто-то бережно подклеил их мучным клейстером, но сырость уже взяла свое — края снова отвисали, словно мертвая кожа. Потолок над лестницей покрывало бурое пятно от старой протечки. Ковровую дорожку перевернули выцветшей стороной вверх, а на каминной полке, где раньше стоял фамильный фарфор, теперь ютился букет засушенных чертополохов в обыкновенной бутылке из-под молока, украшенной лентой.

После смерти отца некогда роскошный дом не разрушался. Он медленно, по кусочку, сдавался на милость кредиторам, неся все новые и новые потери.

У лестницы носильщики остановились.

— Наверх нести нельзя, — выдохнул лекарь, вытирая пот со лба. — Слишком крутой подъем. Мы можем сместить позвонки.

— Но спальня дочери на втором этаже, — в голосе матери прорезалась паника. Не за меня. За нарушение уклада.

— Приготовьте какую-нибудь комнату внизу, мадам! — раздраженно произнес доктор. — Неужели сложно!

— Внизу у нас только гостиная, столовая и кабинет покойного мужа, — слышался голос матери и шелест ее платья.

Старик посмотрел на нее так, словно видел насквозь.

— Тогда положите дочь в гостиной! — предложил доктор.

— Эм... Где вы сказали? В гостиной? А где я, по-вашему, буду принимать гостей? Вы в своем уме! Гостиная не для этого! — возмутилась мама.

— Тогда в кабинет! — выдохнул доктор. — Надеюсь, вы там гостей не принимаете?

— В кабинет? Но там... там только диван! На диван?

— На ровную кровать, — холодным голосом отозвался доктор.

— У нас нет кровати в кабинете! — снова возмущенный голос мамы разрезал тишину.

— Значит, принесите. Но на второй этаж я запрещаю ее нести! Я вам это как доктор говорю!

Мать открыла рот, но не нашлась с ответом. Она ненавидела, когда реальность не подстраивалась под ее представления о том, как «должно быть».

В итоге меня внесли в отцовский кабинет. После его смерти мать заперла эту комнату. Сначала говорила, что не может видеть его вещи. Потом я случайно узнала, что она начала продавать их по одной. Исчезли глобус, коллекция редких книг, бронзовые часы. На стенах остались темные прямоугольники — шрамы от картин.

Посреди кабинета, на фоне пустоты, наскоро поставили узкую гостевую кровать.

— Покрывало снимите! — вдруг вскрикнула мать, когда

носильщики приблизились. — Не кладите её на хорошее покрывало! Там кровь!

Глава 4

Все замерли.

Я посмотрела на белую ткань. По углам были вышиты маленькие голубые цветы. Мать гладила их по вечерам, когда не могла уснуть.

Мелли, наша горничная, молча шагнула вперед, сдернула покрывало и бросила его на стул. Ее голос дрогнул, когда она сказала:

— Сняла...

Меня переложили на матрас. Пружины слабо скрипнули.

Старик велел принести таз с теплой водой, чистые простыни и ножницы. При слове «ножницы» мать побледнела и закатила глаза так, словно собирается упасть в обморок.

— Вы опять будете резать платье?

— То, что от него осталось.

— Но это анвийский бархат!

Лекарь устало потер переносицу. Пальцы у него были в желтых пятнах от алхимических реактивов.

— Мадам, его уже не наденут.

Мать посмотрела на меня. На мгновение мне показалось, что сейчас она поймет. Увидит не платье. Не пятна. Не уничтоженные деньги. Увидит меня.

Но ее взгляд скользнул ниже, туда, где тяжелый вишневый бархат был рассечен до самой талии, открывая неестествен-

но бледную кожу.

— Из него еще можно было бы перешить жилет, — про-
бормотала она. — Или... или сделать вставки в платье... Ру-
кава...

Лекарь отвернулся. Мелли накрыла меня простыней и по-
могла ему удалить остатки платья. Я смотрела в потолок. Над
кроватью тянулась тонкая трещина. Она начиналась у люст-
ры, изгибалась и исчезала возле стены. Похожая на высох-
шее русло реки.

Лекарь снова провел ладонями над моей спиной. Его ма-
гия была тяжелой, теплой, пахла озоном и нагретым медом.
Но ниже пояса по-прежнему ничего не было. Только гулкая,
ватная пустота.

— Здесь чувствуете? — спросил он с надеждой.

— Нет.

— А здесь? — надежда в его голосе таяла.

— Нет.

Он сжал мои пальцы.

— Руки?

— Чувствую, — прошептала я.

— Хорошо.

Судя по тому, как напряглись его челюсти, ничего хорошо
не было.

Мать стояла возле окна и нетерпеливо скребла ногтем по
стеклу. Цок. Цок. Цок.

— Сколько это еще продлится, доктор? — спросила она.

— Осмотр? Недолго, — прокашлялся доктор, снова осматривая мою спину.

— Я спрашиваю не об осмотре. Вы меня не слышите! Я с кем разговариваю!

В комнате стало тихо. Слышно было, как на кухне капает вода из плохо прикрытого крана.

Лекарь медленно выпрямился. Смахнул с рук слабое голубое свечение.

— Первые дни будут решающими, — произнес он после долгой паузы.

Я повернула голову. Что-то в шее хрустнуло.

— Что это значит? Я вас не понимаю! — воскликнула мать.

Он не смотрел на мать. Только на меня. В его глазах не было ни надежды, ни жалости. Только сухая, профессиональная констатация факта.

— Кости удалось срастить. Кровотечение остановлено. Но повреждены нервные и магические каналы позвоночника. Пока они не угасли окончательно, существует возможность их восстановить.

Внутри меня что-то дернулось. Слабое, судорожное движение.

— Значит, я смогу ходить? — прошептала я, сжимая руками покрывало.

Глава 5

— Я не стану обещать, — сглотнул доктор.

— Но... но ведь шанс есть? — едва слышно спросила я, чувствуя, как у меня дрожат губы от подступающих слез.

Старик помедлил.

— Есть.

Одно слово. Крошечное. Я уцепилась за него, как утопающий за край лодки.

— Что нужно делать? — шептала я, глядя на старика.

— Нужен сильный восстановитель. Не обычный лекарь. Специалист, который работает с повреждениями магических каналов. Возможно... потребуются целительные кристаллы, ежедневные процедуры и полный покой.

Мать перестала скрести по стеклу.

— И сколько это стоит? — спросила она на всю комнату.

Старик назвал сумму.

У меня перехватило дыхание. Воздух в комнате вдруг стал слишком густым. Мать коротко рассмеялась. Звук был сухим, как кашель.

— Это... это за все лечение? — сощурила глаза мать.

— Нет... Это... За первый курс. Обычно после него становится ясно, будет ли человек ходить или нет, — ответил лекарь.

— Это невозможно, — мать отвернулась к стене.

— Во дворцовом лечебном корпусе цены ниже, — заметил лекарь, но мать тут же испепелила его взглядом.

— Мы уже это обсуждали с вами, кажется.

— Вы отказались.

— Потому что не желаю превращать мою дочь в общественное зрелище! — гордо произнесла мать. — Мы не из тех, кто выставляет свое горе напоказ, сэр!

Старик посмотрел на меня.

— Через семь, самое большее десять дней восстановить каналы будет намного сложнее. Через несколько недель — почти невозможно.

— Почти? — переспросила я, чувствуя, как огонек надежды начинает неумолимо гаснуть.

— Иногда случаются чудеса. Магия тоже не стоит на месте, — заметил доктор.

Мать резко повернулась от окна.

— У нас нет таких денег.

Она произнесла это не сердито. Не с отчаянием. Просто. Так говорят о закрытом магазине или закончившемся сахаре. Факт, не заслуживающий долгого обсуждения.

— Я оставлю обезболивающее, — продолжил лекарь, доставая из сумки небольшой тёмный флакон. — Давать по пять капель. Не больше. Не пытаться сажать её. И немедленно отправить за мной, если поднимется жар. Хотя не должен. Сейчас ее жизни ничто не угрожает. Но обезболивающее нужно попить.

Мать взяла флакон и долго смотрела сквозь темное стекло на густую синюю жидкость.

— Оно дорогое? — спросила она, рассматривая в руках лекарство.

— Я не возьму денег, — заметил доктор, собираясь уходить.

— Я не просила милостыню! — возмутилась мать.

— А я её не предлагаю. Я предлагаю то, что может облегчить боль. На начальном этапе остаточная боль будет. Это нормально. Магия, которая сращивает кости, работает именно так, — пояснил доктор.

Он забрал сумку и подошел к кровати. Наклонился ко мне. От него пахло старой бумагой и горькими травами.

— Мне жаль, мисс Моллард. Не теряйте время.

Я едва заметно кивнула, чувствуя, как слезы подступили к глазам. Если я сейчас что-то скажу, то разревусь. А плакать я не хотела. Не сейчас.

Он ушел. Через несколько минут хлопнула входная дверь. Голоса стихли. В доме снова стало тихо. Так тихо, что звенело в ушах.

Мать стояла возле кровати, сложив руки на груди.

— Ты должна понимать, Флорис, что таких денег у нас нет, — строго произнесла она. — И не смотри на меня так!

Глава 6

— Я понимаю, — прошептала я, прикрывая глаза.

— После смерти отца осталось гораздо меньше, чем ты думаешь! — голос матери стал строже.

— Я знаю, — едва слышно ответила я.

— Нет, не знаешь. Ты никогда не интересовалась счетами.

Я хотела напомнить, что она никогда не позволяла мне их видеть. Но сил спорить не было. Боль в спине начинала просыпаться — тупая, ноющая, словно кто-то медленно вкручивал в позвонки ржавые шурупы.

— Я не обвиняю тебя, мама.

Она поджала губы.

— Звучит именно как обвинение. Хорошо. Значит, мы не станем возвращаться к этому разговору. Отдыхай.

Она поправила воротник платья и направилась к двери.

— Мама?

Она обернулась.

Мне вдруг стало страшно оставаться одной. Не из-за боли. Из-за того, что я не чувствовала собственного тела. Я была отрезана от себя.

— Ты... ты побудешь со мной?

На лице матери появилось почти детское замешательство. Она моргнула, словно пытаясь стряхнуть с ресниц неудобную мысль, и её взгляд стал растерянным, пустым.

— Сейчас? — переспросила она, и в этом вопросе не было участия, только недоумение от нарушения привычного ритма.

— Немного, — взмолилась я. Голос звучал чужим, тихим и хрупким, будто принадлежал кому-то другому. Я не любила просить. Более того, я ненавидела просить о таких вещах, но сейчас это мне казалось очень важным.

Мама инстинктивно взглянула на стену там, где раньше висели часы. Там теперь зияло светлое прямоугольное пятно, более чистое, чем окружающие обои. Она тут же отвела глаза, словно обожглась. Жест был автоматическим, выученным годами жизни в доме, который медленно рассыпался на части.

— У меня достаточно дел. Мне нужно разобраться с прилугой, — сказала она, выпрямляясь и принимая привычную маску хозяйки положения, хотя руки её слегка дрожали. — В доме всё вверх дном.

В её словах о платье не было заботы обо мне. Была лишь тревога за вещь, которая могла быть использована нерационально. Вишневый бархат, испорченный кровью и грязью, был для неё активом, который требовал правильного списания.

— Конечно, — согласилась я. Спорить не было сил. Да и зачем? Слова уже не имели веса.

— Мелли посидит с тобой.

Она закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал глухо, отре-

зая меня от коридора, от голоса матери, от всего мира, который продолжал жить своей жизнью без меня.

Я осталась смотреть на трещину в потолке.

Отец умер три года назад. До его смерти я не замечала, как часто он находился рядом. Он не говорил со мной часами, не обнимал при каждой встрече, не называл своим сокровищем. Он просто входил в комнату, садился у огня, наполняя тишину своим спокойным присутствием, и спрашивал, что я читаю. Его молчание было теплым, защищающим.

Иногда этого достаточно, чтобы дом казался домом, а не просто набором комнат.

После его смерти комнаты стали больше. И пустее. Воздух в них застаивался, становился тяжелым, пахнущим пылью и несбывшимися надеждами. Стены больше не слушали. Они просто стояли, наблюдая за медленным угасанием дома Моллард.

Дверь тихо скрипнула.

Мелли вошла с тазом воды, чистой сорочкой и простыней. Ей было не больше девятнадцати. Светлые волосы выбились из-под чепца, образуя небрежный ореол вокруг лица, а на щеке темнело пятно золы — след кухонной работы, которую ей приходилось делать сверх обязанностей горничной.

— Госпожа Флорис, я вас сейчас умою. Хорошо? — спросила она тихо, боясь нарушить хрупкую тишину.

Глава 7

— Хорошо.

Мелли поставила фарфоровый таз на скрипучий пол, а чистую, крахмаленную простыню положила на спинку стула. Ткань пахла лавандой и мылом — запах, который в этой комнате сейчас казался чужим, почти оскорбительным. Здесь пахло медью, кислым потом и старой пылью.

Несколько секунд горничная стояла рядом, вцепившись пальцами в край юбки. Её лицо было серым, под глазами залегли глубокие тени. Она смотрела на меня с таким несчастным, виноватым выражением, что мне стало тошно не от боли, а от её жалости.

— Что случилось? — спросила я. Голос прозвучал хрипло, горло пересохло.

— Простыню нужно поменять, госпожа, — тихо ответила она, не поднимая глаз.

Я перевела взгляд вниз.

На белой ткани подо мной расплывались бурые, почти чёрные пятна. Кровь. Пот. Грязь с мраморного пола галереи. Пока меня тащили на носилках, пока старый лекарь светил руками над моей спиной, пока мать визжала из-за испорченного бархата, никто не подумал о том, что я лежу на мокром, липком белье. Оно прилипло к коже, остывало и тянуло тепло из тела.

— Меня можно переворачивать?

Мелли наконец подняла глаза. В них плескался страх.

— Доктор сказал, что можно. Если держать спину ровно, как бревно. Он показал. Нужно повернуть вас целиком, не сгибая.

Она говорила уверенно, но её тонкие пальцы дрожали так сильно, что она сжала их в кулаки, чтобы успокоить.

— Только сразу скажите, если станет больно.

— Скажу.

Мелли развернула простыню, скатала половину в плотный валик и положила рядом с моим бедром. Потом подошла к кровати, потерла ладони о юбку и несколько раз глубоко вдохнула, словно собиралась сдвинуть с места чугунную ванну. Она была истощена, недокормлена и загнана материнскими криками. У неё просто не было сил, чтобы поднять меня.

А я была тяжёлой. Ниже пояса моё тело превратилось в мёртвый груз, в мешок с костями и мясом, который мозг отказывался воспринимать как часть себя.

— Я сначала поверну вас на бок. Потом вытащу грязную, подложу чистую и верну обратно. Так безопаснее.

— Хорошо, Мелли. Делай.

Она просунула одну руку мне под плечи, другую — под талию. Я чувствовала её ладони, горячие и влажные. Чувствовала, как натянулась ткань сорочки на спине.

А ниже не чувствовала ничего. Будто Мелли пыталась пе-

ревернуть не меня, а тяжёлую куклу, грубо пришитую ко мне у самого пояса.

— Сейчас, госпожа. На счёт три. Раз... два... три.

Она потянула.

Мир медленно, с тошнотворной неохотой накренился. Трещина на потолке поплыла в сторону. Перед глазами оказалась стена с выцветшими обоями и тёмный край кровати.

В позвоночнике вспыхнула боль. Не тупая, не ноющая. Острая, раскалённая, словно кто-то протянул сквозь позвонки тонкую проволоку и начал её медленно натягивать.

— Стой! — выдохнула я, вцепившись пальцами в её запястье.

Мелли мгновенно замерла, застыв в неестественной позе.

— Больно? Я сделала больно? Простите, госпожа, я...

— Уже прошло. Просто не двигай меня несколько секунд.

Она прижимала меня к себе, не позволяя упасть обратно на спину. Я слышала её тяжёлое, прерывистое дыхание возле самого уха. Чувствовала, как дрожит её рука у меня под плечом, как напряжены мышцы предплечья.

— Теперь простыню, — напомнила я, стараясь дышать ровно.

— Да. Сейчас.

Одной рукой продолжая удерживать меня на боку, Мелли потянулась другой к матрасу и попыталась выдернуть влажную ткань.

Простыня не поддавалась. Она намокла от крови и пота,

прилипнув к коже и матрасу. Мелли тянула её короткими, судорожными рывками, стараясь одновременно не отпустить меня и не согнуть мою спину.

— Не спеши, — прошептала я.

— Я не спешу. Она просто... зацепилась за пружину.

Её дыхание стало хриплым. Я видела, как на её висках выступили капли пота.

Наконец грязная ткань с неприятным, влажным звуком выскользнула из-под меня и шмякнулась на пол. Мелли быстро подложила свёрнутый край чистой простыни.

— Всё. Теперь обратно.

Она снова обхватила меня. Попыталась осторожно, миллиметр за миллиметром, повернуть на спину.

Ничего не произошло.

Глава 8

Мелли напряглась всем телом. Я слышала, как скрипнули её суставы. Рука у меня под плечом задрожала сильнее, но я лишь немного качнулась и снова навалилась на неё всем своим мёртвым весом.

— Ещё раз, — выдохнула она, и в голосе её прорезались слёзы.

— Мелли...

— Сейчас. Я смогу.

Она попробовала снова. Рывком, на пределе сил.

На этот раз её локоть подломился.

Моё тело начало заваливаться вперёд, прямо на живот, который было категорически нельзя сдавливать.

— Не отпускай меня! — крикнула я, хотя из горла вырвался лишь хрип.

— Я держу! Госпожа, я держу!

В её голосе прозвучал настоящий, животный ужас. Она упёрлась коленом в край кровати, всем телом пытаясь не дать мне упасть. Но сил у неё не хватало. Я чувствовала, как её пальцы скользят по ткани сорочки, как она теряет опору.

Только не упасть. Только не согнуть спину. Только бы стать легче.

Эта мысль вспыхнула так отчётливо и отчаянно, словно я произнесла её вслух, вложив в неё всю свою волю, всю свою

ненависть к этому телу, к этой боли, к этой комнате.

Легче. Хоть на одно мгновение.

Что-то дрогнуло у меня внутри.

Не в ногах. Там по-прежнему была мёртвая, звенящая пустота.

Выше. Где-то под рёбрами, в грудной клетке, натянулась тонкая, невидимая нить. Она вибрировала, издавая звук, который я слышала не ушами, а зубами. Низкий, гулкий, как гудение высоковольтных проводов.

По позвоночнику прошла волна. Не боль. Нечто совершенно иное. Холодное, тягучее, словно в кровь влили ледяную ртуть. Воздух вокруг меня вдруг изменился. Он стал плотным. Густым.

Мелли вскрикнула.

Давление её рук исчезло.

Я больше не наваливалась на неё. Вообще ни на что не опиралась. Невидимая сила медленно выровняла моё тело. Меня потянуло назад, поворачивая с бока на спину, но матраса я так и не коснулась.

Несколько бесконечных, чудовищных мгновений моё тело висело над кроватью.

Совсем невысоко. Между моей спиной и матрасом едва поместилась бы ладонь. Но я отчётливо, краем глаза увидела под собой белую ткань чистой простыни и узкую полосу тени.

Мои волосы слегка приподнялись и зашевелились, словно

от ветра, хотя окно было плотно закрыто. В воздухе запахло озоном и палёным сахаром.

— Боги... — выдохнула Мелли. Звук получился сдавленным, чужим.

Чистая простыня, подложенная под мой бок, медленно, сама собой расправилась, разглаживаясь невидимыми пальцами.

Потом невидимая сила исчезла. Нить внутри оборвалась, и в груди резко кольнуло.

Я медленно опустилась на матрас.

Не упала. Именно опустилась — ровно, всем телом одновременно, не согнув позвоночник и почти не почувствовав толчка. Воздух просто вернул мне её вес, но сделал это мягко, словно амортизируя падение.

Несколько секунд мы обе молчали.

Глава 9

У меня бешено стучало сердце, отдавая в виски тупой, пульсирующей болью. Из носа потекло что-то тёплое и солёное. Кровь.

Мелли стояла, прижав обе ладони ко рту. Её глаза были огромными, белки налиты кровью.

— Что? — спросила я, стараясь не шевелить губами.

Она не ответила. Медленно, словно в трансе, опустила руки.

— Мелли, что произошло?

Девушка медленно выдохнула. Она схватила чистую ткань и осторожно прижала к моему носу. Через несколько минут кровь остановилась, оставив на белом полотне несколько ярких пятен.

— Вы... вы поднялись. Сами...

— Ты меня подняла, — ответила я, растирая кровь на лице.

— Нет, госпожа... Это была не я... Клянусь... — прошептала Мелли, побледнев так сильно, что я сама испугалась.

— Мелли, ты держала меня, — произнесла я, чувствуя, как в теле гудит остаточный звон.

— Я отпустила вас.

Она сказала это шёпотом и тут же испуганно покачала головой, отступая на шаг.

— Не нарочно! У меня рука соскользнула. Я думала, что вы упадёте и сломаете всё окончательно, а вы... вы остались в воздухе.

— Я не могла остаться в воздухе! — воскликнула я.

— Но вы остались! — спорила Мелли, глядя на меня как на чудо. — Над кроватью.

Мелли смотрела на меня, словно боялась, что я не поверю собственным ощущениям.

— Вот настолько, — показала она на пальцах расстояние. — Может, даже выше. Я видела простыню под вами. И потом она сама расправилась. Госпожа... она сама легла под вас.

Я посмотрела на потолок. Трещина всё ещё была там. Кривая, похожая на высохшую реку.

— Мне показалось, что ты меня держишь. Что воздух стал твёрдым.

— Когда вы поднялись, обе мои руки уже были на простыне.

Она оглянулась на дверь, словно боялась, что мать стоит в коридоре и всё слышит.

— Госпожа... это что такое вообще?

— Не знаю... Мне кажется, это просто... тебе показалось...

— Вряд ли... Может быть, воздушный дар. Или пространственный. Вы ведь... вы стали невесомой. Как леди Глория. Только без сцены.

Невесомой.

Слово прозвучало нелепо. Даже кощунственно. А сравнение с блистательной леди Глорией ударило по самому больному.

Я не могла пошевелить ногами. Не могла самостоятельно повернуться. Не могла даже приподнять голову без боли. Я была калекой. Обрубок.

И при этом несколько мгновений назад я управляла гравитацией?

— Наверное, это последствия лекарской магии. Или я на несколько мгновений потеряла сознание, а ты сама не поняла, как удержала меня, — сказала я. — Мы обе устали. У тебя галлюцинации от недосыпа.

— Да, но простыня сама под вас легла! — спорила Мелли.

— Ты просто, наверное, не заметила, как подтянула ее, когда я упала.

— Я бы не успела! Вы висели! Клянусь! — сглотнула Мелли, глядя на меня как на чудо.

— Мелли, — с мольбой произнесла я. Я не хотела верить в чудеса. Точнее, хотела, но ужасно боялась в них поверить.

Глава 10

Горничная замолчала, тяжело дыша.

Я посмотрела на дверь. Тонкое дерево, за которым была мать.

Если она узнает, что со мной происходит что-то необъяснимое... Что я стала не просто обузой, а чем-то большим. Она либо объявит это чудесным выздоровлением и потащит меня показывать королю, либо найдёт способ превратить в очередную семейную выгоду.

Мне не хотелось проверять, какой вариант она выберет.

— Пока никому не говори, — тихо произнесла я, понимая, что, скорее всего, никакого чуда не было.

— Но доктору, наверное, нужно... Лекарю! Он говорил про магические каналы! Может, он посчитает это важным?

— Сначала я должна сама понять, что это было. К тому же, у нас нет никаких доказательств. Если... — я застыла на половине мысли, а потом добавила. — Если это и вправду было...

Я тоже об этом подумала. Старик сказал, что каналы повреждены. Что они угасают. Но что, если они не угасли? Что, если травма, этот чудовищный перелом, заставил их срастись неправильно?

— Тем более не говори маме.

Мелли медленно кивнула. Она вытерла ладонью лицо,

оставляя на щеке мокрый след.

— Не скажу.

Она наклонилась и начала осторожно подворачивать края под матрас.

Руки у неё по-прежнему дрожали. Теперь уже не от усталости.

А внутри меня, там, под рёбрами, где минуту назад натянулась невидимая нить, осталось странное, холодное покалывание. Словно я проглотила кусочек льда, и он медленно таял, отравляя кровь новой, пугающей силой.

Мелли продолжила работу. Она старалась не смотреть на мои ноги, скрытые под одеялом. Её взгляд скользил по моему лицу, по подушке, по потолку, но никогда не опускался ниже талии.

Там, под тканью, лежала моя новая реальность, которую никто не хотел признавать.

Я старалась не замечать, как у неё дрожат руки. Дрожь передавалась воде в тазу, создавая мелкую рябь на поверхности.

Мелли осторожно вытерла пыль с моего лица.

Ткань была шершавой, прохладной. Она распустила мои волосы, вытащила погнутые шпильки. Одна из них намертво запуталась в пряди, образовав тугой узел. Девушка замерла, её дыхание участилось. Она едва не расплакалась от собственного бессилия, от страха сделать больно или неправильно.

— Режь, — сказала я.

— Что? — Мелли подняла на меня испуганные глаза.

— Прядь. Всё равно теперь не до причёски.

— Нет! Я распутаю, — запротестовала она, и в её голосе звучала отчаянная необходимость доказать, что она ещё может что-то исправить, что хаос можно упорядочить.

Она возилась почти пять минут. Её пальцы были холодными и неловкими. Наконец, шпилька освободилась.

— Вот, — с облегчением выдохнула она, и этот выдох был похож на стон. — Я же говорила, что распутаю!

Я улыбнулась. Улыбка вышла кривой, натянутой, болезненной. Лицо не слушалось мышц так же, как и ноги.

— Спасибо.

Мелли резко отвернулась к тазу, чтобы скрыть выступившие слезы. Её плечи вздрогнули.

Глава 11

— Не за что, госпожа.

Она помогла мне выпить обезболивающее. Горькая жидкость обожгла горло, оставив металлический привкус.

Мир сразу показался медленным и вязким. Потолок немного отдалился, трещина на нем расплылась, превратившись в абстрактную линию. Шум в голове стих, сменившись гулкой, давящей тишиной.

Мелли собрала грязное бельё, взяла таз и пообещала скоро вернуться. Дверь за ней тихо закрылась.

Я уже почти задремала, погружаясь в спасительное небытие, когда за дверью послышались быстрые шаги. Тяжелые, сбивчивые, полные энергии, которой не было во всем остальном доме.

Мелли ворвалась в комнату, прижимая к груди сложенную газету. Бумага шуршала, пахла свежей типографской краской.

— Госпожа Флорис!

— Что случилось? — мой язык казался ватным, слова давались с трудом.

Она захлопнула дверь, повернула ключ в замке — жест предосторожности, защиты нашего маленького мирка от внешнего вторжения — и только потом подбежала к кровати. Щеки у неё горели ярким румянцем, глаза блестели ли-

хородочным огнем.

— Я попросила мальчишку у булочной принести вечерний выпуск. Вы там! На первой полосе!

Мне стало дурно. Тошнота поднялась из желудка, горячая и липкая. Газета была свидетельством моего позора, моим приговором, выставленным на всеобщее обозрение.

— Убери, — прошептала я, понимая, что газетчики ничем не гнушаются.

— Нет, вы не поняли! Там хорошие новости!

Хороших новостей в этот день быть не могло. Солнце село, унеся с собой последнюю надежду на обычную жизнь. Но Мелли уже развернула газету.

Половину первой полосы занимал магический снимок. Изображение слегка мерцало, передавая динамику момента. Каменная арка. Размытые лица толпы. И синяя, переливающаяся чешуя на руке герцога.

И я.

На снимке моё лицо было почти неразличимо. Только мертвенно-белая кожа, рыжие волосы, распавшиеся веером, и вишнёвое платье, распластанное по мрамору в луже крови, которая на черно-белом отпечатке казалась черной нефтью.

Над фотографией огромными, кричащими буквами было напечатано:

МОЛОДАЯ ДЕВУШКА СПАСЛА ГЕРЦОГА ЭДЕЛЬ-
ГЕЙМА ЦЕНОЙ СОБСТВЕННОГО БУДУЩЕГО

Я отвернулась к стене. Обои здесь были грязными, в мел-

ких пятен, напоминающих следы от пальцев.

— Читай сама.

— Погодите! Там дальше... Вот, простите... Потеряла строчку! А! Нашла! — Мелли ткнула пальцем в колонку текста. Её ноготь был обгрызен, кожа вокруг покраснела.

— «Владелец Королевской галереи господин Этвард Лейн принёс семье пострадавшей официальные извинения. Предварительное расследование продолжается...»

Мелли перевела дыхание, и в этом паузе повисла надежда.

— «Господин Лейн заявил о готовности перечислить семье мисс Флорис Моллард компенсацию на лечение, содержание и возмещение причинённого ущерба».

Мелли посмотрела на меня сияющими глазами. В них читалась такая искренняя, наивная вера в справедливость, что мне стало больно.

— Сто пятьдесят тысяч золотых.

Глава 12

Я решила, что неправильно услышала. Обезболивающее искажало реальность, делало звуки приглушенными, далекими.

— Сколько?

— Сто пятьдесят тысяч!

Газета задрожала в её руках, бумага затрещала.

— Госпожа Флорис, да на эти деньги можно вызвать магистра Вейрена! Того самого, который лечил принца после падения с башни! Можно купить зелья высшего сорта! Можно даже снять дом возле лечебницы! Можно...

— Подожди.

Я боялась дышать. Воздух в легких закончился, оставив внутри вакуум, сосущий и холодный.

— Здесь точно написано, что деньги получит моя семья?

— Да! Вот!

Она поднесла газету ближе. Буквы плясали перед глазами, сливаясь в одну темную массу.

Сто пятьдесят тысяч.

Даже отец в лучшие годы не держал на счету такую сумму. Это была не просто цифра. Это была возможность. Это был ключ от клетки, в которую меня загнали обстоятельства.

— А когда их перечислят? — прошептала я, облизывая пересохшие губы.

— Я точно не знаю... Здесь написано, что представитель господина Лейна уже направлен в ваш дом для оформления документов.

Я посмотрела на дверь. Деревянная поверхность казалась непреодолимой преградой.

Звук кареты, подъехавшей к крыльцу, трудно было с чем-то перепутать. “Он приехал! Представитель!” — выдохнула Мелли, глядя на меня совершенно счастливыми глазами.

Словно по заказу, в коридоре раздался стук, потом знакомый скрип входной двери и мамин голос. Мелли прижала ладони ко рту, чтобы подавить вскрик восторга.

Он звучал непривычно ровно, без истерики, с той самой холодной расчетливостью, которую она берегла для важных переговоров.

— О, вы представитель? Проходите сюда, в гостиную. Мелли! Мелли! Принеси чай господину!

Мелли сорвалась и выбежала из комнаты, а я затаила дыхание и слушала.

— Разумеется, я понимаю всю ответственность. Но прежде я должна ознакомиться с каждым пунктом!

Ей ответил незнакомый мужчина. Низкий, ровный баритон, лишенный эмоций.

Я закрыла глаза.

Впервые с того мгновения, когда арка придавила меня к полу, внутри стало не так холодно. Лёд, сковывавший душу, начал таять, оставляя после себя мутную, тревожную воду.

Шанс.

Не чудо. Чудес не бывает. Не жалость короля. Король видел во мне лишь эпизод. Не милость герцога. Герцог видел во мне досадное недоразумение.

Это был настоящий шанс, оплаченный теми, по чьей вине я лежала в этой постели. Кровью. Болью. Будущим.

Дверь открылась, а Мелли быстро зашла в комнату, прикрывая дверь за собой.

— Мелли... — полушепотом позвала я.

— Да?

— Найди адрес магистра Вейрена, — попросила я.

— Сегодня же! — её голос звенел от возбуждения.

— И узнай, сколько времени займёт дорога.

— Конечно!

Она засмеялась, звук получился сдавленным, истеричным, и вытерла щёки тыльной стороной ладони. Только тогда я поняла, что она плачет. Слёзы текли тихо, без звука, оставляя влажные следы на её пыльном лице.

Я тоже едва не рассмеялась.

Не потому, что было весело. Смех застрял в горле комком.

Потому что ещё утром я ходила. Я чувствовала землю под ногами, ветер в волосах, свободу движений.

Потом мне сказали, что, возможно, я больше никогда не встану. Что моя жизнь превратилась в существование на узкой кровати.

А теперь у меня снова появилось завтра. Не просто сле-

дующий день, а будущее.

Глава 13

Я представила, как однажды сяду без чужой помощи. Как поставлю ноги на холодный пол. Как сделаю шаг. Всего один шаг. Раньше я не считала их. Они были данностью, как дыхание. Теперь ради них можно было отдать всё. Даже душу.

В коридоре хлопнула дверь гостиной, где шел разговор. Звук был резким, финальным.

Незнакомый мужской голос произнёс чётко и сухо:

— Вот вам чек. На предъявителя. Вы можете обналичить его в любом из банков.

— Благодарю вас, — ответила мама.

Её голос звучал непривычно мягко. Так она говорила с важными людьми, когда нуждалась в отсрочке платежа или особой услуге. В этом мягком тоне не было любви. Была удовлетворённость сделкой.

Мелли сжала мою руку. Её пальцы были влажными и холодными, но в этом прикосновении было больше тепла, чем во всех словах матери за последний год.

— Вы снова будете ходить.

Я поверила ей. Хотела верить. Нужно было верить, чтобы не сойти с ума от пустоты внизу тела.

Газета соскользнула с колен Мелли и раскрылась на светской полосе.

С магического снимка улыбалась женщина в золотом пла-

ть. Она застыла в прыжке, выгнувшись так легко, словно у неё не было ни костей, ни веса. Одна нога вытянута, руки распахнуты, юбка похожа на крылья.

Внизу крупными буквами было напечатано:

ПОКОРИТ ЛИ ЛЕДИ ГЛОРИЯ ВАНДЕР СЕРДЦЕ САМОГО ХОЛОДНОГО ДРАКОНА КОРОЛЕВСТВА?

Мелли поспешно попыталась сложить газету.

— Подожди, — остановила ее я, глядя на заголовок газеты.

Она замерла.

— Там про герцога? — спросила я.

Не знаю зачем. Наверное, хотела убедиться, что он действительно существует за пределами того павильона. Что у него была жизнь до меня и осталась после.

— Обычная светская сплетня, — пробормотала Мелли.

— Здесь пишут, что герцог Эдельгейм равнодушен к Глории Вандер. И после ее танца он лично подарил ей цветы.

— Какие?

Я не знаю, зачем я это спросила. Может, чтобы убедиться, что его жизнь продолжается.

Мелли посмотрела в газету.

— Синие орхидеи. Редкие. Их привозят с островов. Он вообще большой поклонник танцев. Ему очень нравится, когда женщина красиво двигается. Это тут так написано! Я ничего не выдумываю!

На снимке танцовщица, окутанная магией. Магическое

изображение повторяло короткое движение: разбег, прыжок, полет. Она просто зависает в воздухе и кружится. А потом лёгкое приземление на обе ноги.

Газеты называли это редчайшим даром невесомости. Писали, что Глория Вандер способна усилием собственной магии поднимать тело над сценой и удерживать его в воздухе столько, сколько требует танец.

Никто не знал, где заканчивается движение её мышц и начинается волшебство.

Наверное, именно поэтому смотреть на неё было невозможно без восхищения. Глория не просто танцевала.

Она летала.

Снова и снова.

Я смотрела на неё дольше, чем следовало.

Ещё утром я тоже могла бы разбежаться. Подпрыгнуть. Встать на носки. Покружиться перед зеркалом, придерживая юбку.

Теперь самым большим чудом в моей жизни должен был стать один шаг.

Глава 14

Я невольно вспомнила, как несколько часов назад перестала давить на руки Мелли и на одно короткое мгновение увидела под собой простыню.

Но Глория Вандер летала над сценой. Поднималась на несколько локтей, кружилась, зависала в воздухе на глазах у сотен людей.

А я всего лишь на миг оторвалась от матраса. Если вообще оторвалась.

Мелли посмотрела на меня. Её глаза медленно расширились.

— Госпожа... ведь это почти как тогда...

Я едва заметно покачала головой.

— Даже не начинай.

Она прикусила губу и замолчала.

Сравнение было настолько нелепым, что я тут же его отбросила.

— Красиво танцует, — тихо сказала Мелли.

— Очень.

И это почему-то оказалось правильно. Естественно. Так и должен был выглядеть мир.

Просто в моём мире сегодня всё закончилось, а в его — ничего не изменилось.

— Там еще есть... — прошептала Мелли. — Вот...

Она дала мне газету, а я стала читать.

“Впрочем, столица обсуждает не только размер обещанной компенсации. Может ли золото возместить молодой девушке утраченное здоровье и будущее?”

Мисс Флорис Моллард принадлежит к уважаемому дворянскому роду и ещё вчера считалась завидной невестой. Сегодня врачи не решаются обещать, что она когда-нибудь снова встанет на ноги.

Герцог Эдельгейм пока воздерживается от официальных заявлений. Однако многие представители высшего общества уверены: человек его положения и чести не ограничится признательностью и лично позаботится о судьбе девушки, пожертвовавшей собой ради его спасения”.

Я закрыла газету и бросила ее в сторону. Даже не знаю, как на это реагировать! Мог бы хотя бы денег дать. Неизвестно, сколько потребуется на восстановление...

Я поймала себя на мысли, что никак не могу отделаться от чувства, что денег может не хватить.

Через сорок минут к дому подъехала карета.

Мы услышали ее еще издали. Колеса загрохотали по неровной мостовой, выбивая искры из булыжников. Лошади фыркнули, остановившись у самого крыльца. Дверца резко хлопнула, эхом отозвавшись в пустом доме.

— Кто это? — спросила я. Тревога снова поползла по спине холодными мурашками.

Мелли выглянула в окно, приоткрыв тяжелую бархатную

занавеску, которая когда-то была бордовой, а теперь выцвела до грязно-розового.

— Не знаю. Карета богатая. Герб на дверце.

Глава 15

Мелли прищурилась, вглядываясь в сумерки, окутавшие улицу.

И вдруг отшатнулась, будто увидела привидение. Её лицо побледнело.

— Что?

— Кажется... ваша сестра.

Я не сразу вспомнила, как дышать. Воздух застрял в легких.

— Эвелин?

— Да.

Эвелин не приезжала почти четыре года.

После смерти отца она прислала короткое письмо на листе с черной каймой. Написала, что очередная беременность не позволяет ей перенести долгую дорогу и что она скорбит вместе с нами. Больше она не писала. Никаких вестей. Никакой поддержки.

Мама несколько раз отправляла ей приглашения. Одно — на годовщину смерти отца. Второе — на мое восемнадцатилетие. Третье — когда сама тяжело заболела зимой, лежа в жару и бреду.

Ответа не было. Тишина была громче любых отказов.

Теперь Эвелин понадобилось меньше часа, чтобы добраться до нашего дома. Меньше часа, чтобы преодолеть

расстояние, которое она не могла преодолеть четыре года.

Внизу раздались голоса.

— Мамочка!

Я вздрогнула. От этого слова повеяло фальшью, сладкой и приторной.

— Девочка моя! Ты приехала... О, слава богам! Я так по тебе скучала! — вскрикнула мама. — Я столько лет тебя не видела? Как ты? Почему не приезжала?

В её голосе прорезалась такая искренняя радость, такой восторг, которых я не слышала годами. Это был звук человека, который получил то, чего давно ждал, но не смел надеяться.

— Мамочка, это все мой муж. Он... он не хотел, чтобы я общалась со своей семьей. Он считал, что дом Моллардов уже не тот, что раньше. Поэтому...

— Ах, милая, ты... ты так изменилась, — всхлипнул мамин голос.

Послышался плач.

Громкий, красивый, полный чувств.

Мелли опустила глаза. Ей стало неловко слушать эту семейную драму, разыгрываемую без ее участия, но в ее присутствии.

Через несколько минут дверь распахнулась.

Сестра вошла в комнату, не постучавшись. Вторжение было стремительным, бесцеремонным.

Я помнила ее двадцатисемилетней красавицей. Высокой,

белокурой, такой уверенной в своей неотразимости, что рядом с ней все остальные женщины начинали поправлять платья и прически, чувствуя свою неполноценность.

Теперь ей было тридцать один.

Она всё еще оставалась красивой, но красота стала острее, хищнее. Скулы выступили сильнее, подчеркивая впалость щек. Под глазами залегли голубоватые тени, скрытые слоем пудры, но всё равно заметные. Светлые волосы были уложены безупречно, каждый локон лежал на своем месте, зато мех на воротнике ее мантии оказался потертым, лысым на сгибах, а одна жемчужина в сережке отличалась по цвету от другой — дешевая подделка, выдающая истинное положение дел. Корсет уже не давал того самого эффекта, как на портретах. Поэтому был тщательно задрапирован кружевом, чтобы скрыть располневшую талию.

— Флорис...

Она замерла у порога.

На ее лице появилось такое страдание, такая маска горя, что я почти устыдилась прежних мыслей.

— Моя маленькая Флорис!

Эвелин бросилась ко мне, опустилась на колени возле кровати и обхватила мою руку. Ее хватка была сильной, почти болезненной.

От нее пахло дорогими духами с нотой амбры и холодным воздухом улицы. Запах был тяжелым, душным, пытающимся заглушить запах болезни и старины, царивший в комнате.

— Какой ужас! Какой кошмар! Я едва не умерла, когда увидела газету! Милая, ты как?

— Ты приехала, — констатировала я. Голос звучал ровно, без эмоций.

— Конечно, приехала! Как ты могла подумать, что я оставлю тебя в такую минуту? — возразила сестра.

Я ничего подобного не думала. Но мне была приятна ее поддержка. Я вдруг устыдилась того, что мне теперь приятна любая поддержка, любое доброе слово, любая надежда. Все это придает мне немного сил.

Она поцеловала мои пальцы. Губы ее были холодными, сухими.

— Тебе очень больно? — прошептала сестра, глядя на меня покрасневшими от слез глазами.

Глава 16

— Уже меньше, — хрипло ответила я, чувствуя, как льдинка в сердце медленно тает. О, как мне сейчас нужны эти слова.

— Бедная девочка. Бедная, бедная девочка, — причитала сестра, а слезинка попала мне на руку. — Держись... Мы что-нибудь придумаем. Обязательно.

Эвелин погладила меня по волосам. На её глазах блестели слёзы. И мои глаза тут же в ответ наполнились слезами.

Мама стояла за её спиной и тоже плакала, тихо всхлипывая, прижимая платок к глазам.

Я смотрела на них и чувствовала себя виноватой. Не за свою травму. За то, что подумала о сестре плохо. Наверное, горе действительно меняет людей.

Наверное, я зря обижалась. Эвелин была замужем. У неё трое детей, хозяйство, муж. У каждого своя жизнь, свои проблемы, своя борьба за выживание. Нельзя требовать, чтобы близкие постоянно помнили о тебе, когда вокруг них куча своих забот.

— В газетах всё преувеличили? Правда? — спросила сестра, не отрывая взгляда от моего лица. Её глаза искали что-то, оценивали. — Ты ведь поправишься?

— Лекарь сказал, что шанс есть, — прокашлялась я. Почему-то лежать было неудобно, но я терпела, вспоминая сло-

ва доктора, что садиться мне пока рано.

— Правда?

Её взгляд быстро скользнул вниз, к моим ногам, скрытым под тонким шерстяным одеялом.

— Нужен сильный восстановитель, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Так что шанс есть.

Эвелин замерла. Её пальцы, сжимавшие мою ладонь, на секунду окаменели. Это длилось меньше мгновения, но я почувствовала, как изменилось напряжение в её руке.

Потом она снова сжала мою руку. Чуть сильнее.

— О, ты еще потанцуешь на балах, сестренка! — вздохнула Эвелин.

— Ах, нам тут выплатили компенсацию, — тут же добавила мама. — Так что... Мы не бедствуем...

Эвелин улыбнулась. Уголки губ дрогнули.

— О, это настоящее счастье, — кивнула она.

— Я бы не назвала это счастьем, — вздохнула я, чувствуя, как сестра бережно перебирает мои пальцы.

— То есть... не счастье, конечно. Боги, что я говорю? — Эвелин покачала головой, изображая смущение. — Просто хорошо, что мерзавцы хотя бы признали свою вину.

— Представитель уже приезжал, — вмешалась мама, стоявшая у окна. Её голос был сухим, деловым. — Документы подписаны.

Эвелин поднялась. Движение было резким, нервным. Она отряхнула несуществующую пыль с юбки.

— Мама, можно тебя на минутку? — шепнула она.

— Конечно, дорогая, — мама тут же расцвела в улыбке. Все это время она смотрела на Эвелин жадно, словно запоминала ее.

— Наедине, — кивнула Эвелин.

Они вышли. Дверь закрылась неплотно, оставив узкую щель, через которую пробивался свет из коридора.

Я осталась лежать, глядя в эту щель. Тишина в комнате стала звенящей. Мелли, стоявшая возле старого шкафа с облупившейся краской, замерла, прижав к груди сложенное белье.

— Наверное, ваша сестра хочет вам помочь деньгами, — прошептала Мелли, поглядывая на дверь.

Глава 17

Сначала сестра говорила тихо. Голоса были приглушенными, неразборчивыми. Я различала только отдельные слова, вырывавшиеся из общего гула, как обломки кораблекрушения из бушующего океана.

— ...не хотела тебе рассказывать...

— ...это продолжается уже давно...

— ...он обещал, что больше не станет...

Потом голос Эвелин сорвался. Он стал высоким, визгливым, полным отчаяния, которое больше не нужно было прятать за маской благополучия.

— Он проиграл всё, мама!

Мелли вздрогнула. Я закрыла глаза, чувствуя, как холод ползет по спине, туда, где позвоночник был сломан.

— Тише, Эвелин, — прошептала мама. В её голосе не было ужаса. Было раздражение. Страх быть услышанной прислугой. И мной. — Флорис услышит.

— Мне уже всё равно! Завтра придут описывать дом. Ты понимаешь? Дом! Детям некуда будет идти!

— А твой муж? А его родня!

— Он исчез. Второй день его нет. Наверняка сидит у кого-нибудь из своих дружков и ждёт, пока я всё исправлю! — задыхалась Эвелин. — А его родня сообщила, что в этот раз они помогать не будут.

— Господи...

— Я не приехала бы, если бы не крайняя нужда. Ты же знаешь меня.

Нет. Мама не знала её. Никто из нас уже не знал ту девушку, которая уехала четыре года назад, полная надежд и высокомерия. Последний раз Эвелин приезжала ещё при отце. Привезла старшего сына, жаловалась на плохую дорогу и уехала раньше, потому что в доме было слишком сыро для её «нежного здоровья». Тем более, что она была на первых месяцах беременности.

— Сколько тебе нужно? — спросила мама.

Наступила тишина. Тяжёлая, давящая.

Я не услышала сумму.

— Сколько?! — Мама ахнула, и в этом звуке было больше возмущения суммой, чем судьбой дочери.

— Это вместе с процентами.

— Но где я возьму такие деньги?

Снова тишина. В ней висело что-то липкое, страшное. Запах предательства, который я чувствовала кожей, хотя не видела лиц.

Очень тихо Эвелин произнесла:

— Представитель галереи ведь только что был здесь.

Мелли уронила полотенце. Ткань мягко шлёпнулась по полу. Я повернула к ней голову. Девушка быстро наклонилась, подняла его, но лицо у неё стало белым, как мел. Глаза широко раскрыты, полные немой мольбы ко мне: не слушай,

пожалуйста, не слушай.

За дверью мама что-то сказала. Я не расслышала слов, но уловила тон. Тон человека, который торгуется на рынке, понимая, что товар портится.

— Флорис всё равно не понадобится вся сумма, — прошептала Эвелин. Голос её стал мягким. — Сколько может стоить лекарь? Пять? Десять тысяч?

— Врач сказал...

— Врачи всегда обещают надежду, пока им платят. Они только деньги тянут. Сколько им ни дай, им всё мало...

— Но... но это её деньги, — возразила мама.

— Это деньги семьи.

— Они предназначены для лечения, — мамин голос был полон раздражения.

— И для содержания. Так написано в газете. «На лечение, содержание и возмещение ущерба семье». Я тоже часть семьи, мама.

Глава 18

Мама молчала. Долгое, мучительное молчание.

Эвелин всхлипнула. Звук был искусственным, отрепетированным.

— Мамочка, я не прошу для себя. Я прошу ради детей.

Слово «мамочка» прозвучало мягко, почти по-детски. Оно повисло в воздухе, как приманка.

Мама шумно вдохнула.

— Они останутся на улице, — продолжала сестра, усиливая давление. — Дариан уже подросток. Он всё понимает. Вчера спросил, почему слуги уносят серебро. А маленькая Ида плачет, потому что мы продали её пони. Я сказала, что пони заболел. Я лгу собственным детям каждый день.

— Бедные мои... — выдохнула мама.

— Ты единственная, к кому я могу обратиться. Единственная. Я знаю, что была плохой дочерью. Знаю, что редко писала. Но мне было стыдно. Я не хотела, чтобы ты видела, какую ошибку я совершила, выбрав этого... барона!

Мама заплакала. Я услышала тихие всхлипы, шорох платья, словно Эвелин обняла её.

— Мамочка, спаси нас.

Дверь в гостиную открылась и закрылась. Голоса стихли.

Я смотрела на полоску света под дверью. Она казалась мне сейчас единственной связью с внешним миром, который

продолжал жить, дышать, предавать.

— Госпожа Флорис, — прошептала Мелли. Её голос дрожал. — Может быть, они просто разговаривают. О делах.

— Конечно, — соврала я.

— Ваша мама не отдаст... — начала Мелли, но осеклась. Она не договорила, боясь озвучить то, во что сама не верила.

— Принеси мне воды, пожалуйста...

Мелли поспешила к столику, плеснув воду в стакан так, что капли попали на скатерть.

Я не боялась. Пока не боялась. Внутри была странная, оцепенелая пустота. Сто пятьдесят тысяч были выплачены мне. За мою кровь. За мои ноги, которые теперь были просто мясом и костями.

Мама могла помочь Эвелин советом. Или дать ей немного. Десять тысяч. Двадцать.

Но не всё. Не мой шанс.

— Я уверена, что ваша матушка поступит благоразумно, — кивнула Мелли, сжимая мою руку.

— Даже если она отдаст половину, там еще останется, не так ли? — вздохнула я, пытаясь не дать надежде угаснуть.

Сестра вернулась через четверть часа. Глаза у неё покраснели, но лицо выглядело спокойнее, даже удовлетвореннее. Она снова села рядом, поправила складки платья.

— Тебе нужно больше отдыхать, Флорис. Я уверена, что всё будет хорошо, — ободряюще похлопала по руке сестра.

— Ты уже уезжаешь? — спросила я.

— Да. Дети одни. Нянька ненадежная.

— Ты получила то, за чем приехала?

Её пальцы замерли на застёжке перчатки. Медленно, методично она застегнула пуговицу. Потом другую.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, не поднимая глаз.

— Я слышала ваш разговор.

Эвелин опустила глаза. На её лице появилась маска скорби, но она держалась плохо, сползала.

— Мне жаль.

— Что именно тебе жаль?

Она посмотрела на меня с укором. С высоты своего положения жертвы обстоятельств.

— Не нужно так говорить. Я приехала, потому что переживала за тебя. Но мама спросила, как дела... И я не могла молчать... Понимаешь...

— И случайно попросила у мамы деньги?

— Я была в отчаянии. Ты не знаешь, каково это — смотреть, как рушится твоя жизнь.

— Она отказала?

Эвелин помедлила. Выдержала паузу, чтобы сделать ответ весомее.

— Мы поговорили.

— Она отказала? — повторила я.

Глава 19

— Флорис, сейчас не время обсуждать чужие несчастья. Лучше думай о своем здоровье. Тебе сейчас нельзя волноваться!

Чужие.

Я лежала, не чувствуя ног, а несчастье было у неё. Моё несчастье уже случилось. Оно было фактом. А её — ещё можно было предотвратить.

— Эти деньги нужны на лечение.

— Конечно, — легко согласилась она. — Я уверена, мама примет правильное решение. Я... Я просто так... Пожаловалась... Объяснила, почему не приезжала... Как видишь, замужество не принесло мне счастья...

Эвелин наклонилась и поцеловала меня в лоб. Её губы были холодными, сухими.

— Поправляйся, маленькая сестрёнка. Всё будет хорошо... Я уверена...

Она ушла. Легко, почти танцующей походкой.

Через несколько минут во дворе загрохотали колёса. Звук удаляющейся кареты был похож на звук захлопывающейся крышки гроба.

Я ждала маму. Минуту. Десять. Час.

Она не пришла.

Мелли просидела рядом до полуночи. Потом кухарка Аг-

на позвала её помочь на кухне — мыть посуду, чистить картошку, делать всё то, что раньше делали другие слуги, которых уволили. Я осталась одна.

Обезболивающее постепенно переставало действовать. Боль вернулась в спину — тупая, тяжёлая, пульсирующая. Ощущение было таким, словно на меня снова медленно, сантиметр за сантиметром, опускали каменную арку. Давило на грудную клетку, не давая вдохнуть полной грудью.

Ниже пояса оставалась пустота. Чёрная, абсолютная дыра. Я пыталась пошевелить пальцами ног. Посылала сигналы в темноту своего тела.

Снова.

Ещё раз.

Ничего. Тишина. Мёртвая, звенящая тишина внутри собственного тела.

— Завтра, — прошептала я в темноту. — Мы напишем письмо. Дорога займёт не так много времени. Я думаю, что я справлюсь... Однажды я буду вспоминать это как страшный сон.

Никто не ответил. Только за стеной скрипели старые трубы, издавая звуки, похожие на стоны.

Где-то наверху ходила мама. Я слышала её шаги. Размеренные, спокойные. Она не спала.

Я представила магистра Вейрена. Почему-то он казался мне седым, с лицом, высеченным из гранита. Строгим. Он войдёт, поставит на стол чемодан с сияющими кристаллами

и скажет, что мы потеряли слишком много времени. Что каналы угасли.

Но ещё не всё. Ещё можно спасти.

С этой мыслью, хрупкой и тёплой, я уснула в обнимку.

Утром магистр не приехал.

— Я передала адрес госпоже, не волнуйтесь, — уверяла Мелли, бинтуя свой надрез на пальце. Она вчера спешила, чтобы побыстрее закончить с готовкой, но когда пришла, я уже, оказывается, спала.

К полудню я решила, что магистр живёт далеко. Что дорога заняла больше времени. Или у него расписание. Ну да, конечно, расписание! Или он только сидит и ждёт, чтобы к нему прилетело письмо от Моллардов с просьбой срочно приехать и осмотреть меня.

К двум часам начала волноваться. Тревога неизвестности точила изнутри, как червь.

В три я попросила Мелли узнать, отправила ли мать письмо. Мама не заходила сегодня. Единственное, что я слышала, так это вопросы о моем самочувствии возле двери.

Мелли вернулась через несколько минут. Глаза у неё были красными, опухшими от слёз. Она не смотрела мне в лицо.

— Ну? — спросила я. Горло пересохло. — Он отказался? Уже поздно? Мы опоздали? Он... он умер? Что, Мелли! Не молчи, умоляю!

— Госпожа сказала, что сама всё объяснит.

Мама вошла ближе к вечеру. Когда солнце уже село, окра-

сив небо в грязно-фиолетовые тона.

Глава 20

На ней было тёмно-синее платье, которое она обычно надевала для визитов в банк или к нотариусу. Платье строгого покроя, без лишних украшений. Волосы были аккуратно уложены, ни один волосок не выбился. На щеках лежал лёгкий румянец.

Она выглядела уставшей. И довольной. Удовлетворенной женщиной, которая решила сложную задачу.

— Как ты себя чувствуешь, милая? — спросила она, подходя к кровати.

Слово «милая» напоминало теплое прикосновение ладони.

— Ты... ты отправила письмо? Когда приедет магистр Вейрен?

Мама сняла перчатки. Очень медленно. Палец за пальцем. Сначала большой, потом указательный. Каждое движение было выверенным, театральным.

— Он не приедет.

Я смотрела на неё. Ждала продолжения. Шутки. Оправдания.

— Почему? — вздрогнула я. — Он занят? У него все расписано на годы вперед?

— Магистр Вейрен не приедет, потому что мы не можем позволить себе его услуги.

— Теперь можем, — сказала я тихо. — У нас же есть деньги.

Она положила перчатки на стол. Рядом с флаконом обезболивающего.

— Я бы не сказала, — уклончиво произнесла мама. — Мы пока не можем их себе позволить.

Внутри всё похолодело. Холод прошел сквозь кожу, сквозь мышцы, добрался до самых костей.

— Где деньги? — спросила я, чувствуя, как холод сковывает пальцы.

Мама вздохнула. Так тяжело, словно я вынуждала её говорить о чём-то неприличном, грязном. Она отвернулась, глядя на пустые прямоугольники на стене.

— Я отдала их Эвелин. Твоей сестре они сейчас очень нужны!

Я услышала слова. Они прозвучали четко, ясно. Но мозг отказывался их принимать. Они не складывались в смысл.

— Что ты отдала? — прошептала я, растягивая слова.

— Компенсацию, — произнесла мать, словно готовилась к этому разговору.

— Всю? — задыхнулась я. — Все сто пятьдесят тысяч?! Ты отдала сестре?!

— Почти всю. Часть пришлось потратить на срочные семейные нужды и старые счета. Налоги, долги отца...

— Сколько ты отдала Эвелин?

— Сто двадцать пять тысяч. Оставалось еще двадцать

пять, но мистер Ниддл потребовал погасить задолженность. И я погасила. Неудобно перед ним. Он столько ждал отсрочки, столько раз давал нам еще месяц...

Мир не дрогнул. Потолок не рухнул. Комната не наполнилась огнем. Мама стояла возле моей кровати, такая же, как всегда. Высокая, прямая, в своем синем платье. На стене по-прежнему темнели пустые прямоугольники от проданных картин.

Только я почему-то перестала дышать. Воздух застрял в легких, став твердым, как камень.

— Это были деньги на моё лечение.

— В документах было написано: на лечение, содержание и возмещение ущерба семье, — произнесла она спокойно, цитируя бумагу, которую, вероятно, перечитывала десятки раз, оправдывая себя.

— Получается, что я — ущерб семье? — спросила я, уцепившись за эту фразу.

— Не передёргивай мои слова, Флорис, — сухо произнесла мама.

— Лекарь сказал, что у меня есть шанс. Главное — начать лечение как можно быстрее! — вспыхнула я.

— Он сказал, что ты, вероятнее всего, не сможешь ходить. Вероятнее всего.

— Вероятнее всего — не значит никогда! — закричала я.

— Флорис, послушай себя. — Она повысила голос, и в нём зазвенела сталь. — Ты предлагаешь выбросить огромное

состояние ради слова «возможно». Возможно, да, а возможно, нет! Тут шансы пятьдесят на пятьдесят. Твой отец уже вложился в одно сомнительное предприятие. И что из этого вышло?

Она обвела взглядом пустые стены.

Глава 21

— Сомнительное предприятие?! Это мои ноги! — крикнула я. Голос сорвался, стал хриплым. — Это моя жизнь!

— А у твоей сестры трое детей! — воскликнула она, словно это был неопровержимый аргумент, снимающий с неё всю ответственность. — Её дом собирались отобрать. Ты представляешь, какой это позор? Дети оказались бы на улице! Нищие! Без крыши над головой!

— Пусть её муж перестанет играть! — выпалила я.

— Не будь жестокой. Эвелин и так наказана своим браком.

Я смотрела на мать. На женщину, которая родила меня. Кормила. Учила ходить.

— А я чем наказана?

Она отвела глаза. Впервые за этот разговор она не выдержала моего взгляда.

— С тобой произошло несчастье.

— И поэтому деньги, выплаченные за это несчастье, нужно отдать Эвелин? — закричала я так, что задрожали стекла в окнах.

— Твоя бедная сестра очень страдает. К тому же у нее дети. Ты о них подумала? Ты должна быть великодушной! Ей сейчас эти деньги нужнее.

Кажется, именно в этот момент что-то во мне сломалось.

Не позвоночник. Тот уже был сломан. Сломалось что-то другое. То, что до сих пор продолжало ждать от неё невозможного. Надежда на материнскую любовь. На защиту. На справедливость.

— Нужнее? — переспросила я. Голос стал тихим, ледяным.

— Её семью, её честь и репутацию ещё можно спасти, — пояснила мама, глядя на меня так, словно не ожидала от меня такой реакции.

— А меня что? Нельзя? — процедила я сквозь зубы.

Мама молчала. Её губы плотно сжались.

— Ответь! — добавила я, глядя ей прямо в глаза.

— Не заставляй меня произносить жестокие вещи, — прокашлялась она. — Тебе очень неприятно будет их слышать. Поэтому лучше подумай, что ты хочешь на ужин?

— Ты уже их произносишь. Каждым своим словом, — прошептала я, чувствуя, как меня трясет.

Она сжала губы еще сильнее, побелев. И тут в ее глазах вспыхнула решимость.

— А теперь подумай сама! С тобой несчастье уже произошло. Факт свершился. А жизнь Эвелин ещё можно вернуть в прежнее русло. Вернуть достоинство. Дом.

— Моё лечение тоже могло вернуть мою жизнь! — закричала я в ответ.

— Могло. А могло не вернуть. Ты предлагаешь поставить под угрозу троих детей ради сомнительной возможности?

Ради того, чтобы ты, возможно, сделала пару шагов? Даже если ты будешь после этого ходить с тростью, хромая на обе ноги, как тётя Дженнифер, когда её разобрал паралич, у тебя не будет ни единого шанса выйти замуж!

— Но у меня будет шанс выйти на улицу! — спорила я. Хотя в душе я понимала, что деньги потрачены. И спорить уже бессмысленно. Но боль и злость рвались из меня, и я понимала, что не могу их удержать.

— Это не их деньги, — произнесла я, глотая слезы.

— Это семейные деньги, — поправила мама. — И семья распоряжается ими по своему усмотрению. Я уже уточнила это у представителя. Так что всё законно.

— Их выплатили за мою кровь. За мою боль.

— Флорис! — с упрёком воскликнула мать.

— За мою спину. За мои ноги. Не за долги её мужа! Не за её позор!

Мама побледнела. Её лицо исказилось гримасой отвращения.

Глава 22

— После того как ты очнулась пять лет назад после того обморока, ты... ты изменилась. Ты... ты стала эгоисткой. Только о себе думала! Не о семье, а о себе! Я вынуждена думать обо всех! Почему я должна молча смотреть, как Эвелин выбрасывают из дома с детьми!

— Хотя бы потому, что ты их видела три раза в жизни! Хотя бы потому, что до того, как прокатилась новость о том, что мне выплатят компенсацию, Эвелин не удосуживалась прислать даже открытки! Она стыдилась нас! Она делала вид, что не имеет никакого отношения к Моллардам! Особенно тогда, когда к нам в дом стучали кредиторы! Она хоть на одно твое письмо о помощи ответила? Она погасила хоть маленький долг? Нет! Она нас знать не хотела, а ты отдала ей все деньги!

Я истерично рассмеялась.

Сначала тихо. Потом смех сорвался, превратился в сухой, лающий хрип. Боль в спине вспыхнула ярче, но мне было все равно.

— А теперь лежу здесь и слушаю, какая я эгоистка, потому что хочу потратить собственную компенсацию на лечение. На то, чтобы снова стать человеком. Чтобы просто иметь возможность выйти из этой комнаты!

— Никто не просил тебя бросаться под арку! — закричала

мать. — Это было твоё решение! Настоящая леди отошла бы в сторону!

Эти же слова тогда сказал герцог.

Ненужное спасение.

Ненужная жертва.

Ненужная дочь.

— Неужели настоящая леди не должна обладать сердцем? Неужели настоящая леди должна спокойно смотреть, как кто-то умирает на её глазах?

Мать замолчала. Она тяжело дышала, глядя прямо мне в глаза. Теперь в её глазах был вызов.

— Эвелин хотя бы поблагодарила меня, — продолжила мама, и в её голосе появилась странная, болезненная нежность. — Она обняла меня... Обещала писать...

Её лицо вдруг изменилось. Смягчилось. Морщины разгладились. Она улыбнулась, вспоминая тот момент в коридоре.

— Ты бы видела, как она плакала. Как обнимала меня. Всё повторяла: «Мамочка, ты нас спасла». Столько лет она не называла меня мамочкой. Столько лет между нами была стена. А теперь... теперь мы снова близки.

— Ага, — дерзко ответила я сквозь подступающие слезы. — До тех пор, пока не закончатся деньги и неприятности! А потом она снова забудет сюда дорогу!

Я закрыла глаза. Темнота за веками была густой, непроглядной.

Вот оно, что так тронуло мать. Не дети. Не дом. Не долги.
«Мамочка».

Сто двадцать пять тысяч золотых за одно слово. За иллюзию возврата в прошлое, которого больше не существовало.

— Ты купила её благодарность моими ногами, — сказала я. Тихо. Четко.

Мама отшатнулась, словно я ударила её.

— Как ты смеешь меня упрекать! Ты — неблагодарная дочь! Слышишь! — взорвалась мать.

— Она не писала тебе четыре года, — повторяла я.

— Ей было стыдно!

— Она не приехала, когда умер отец! — произнесла я, скрипя зубами.

— У неё болел муж. И она была в положении! Куда ей на похороны? Там ветра, сквозняки. Ей нужно было беречь себя!

— Она не приехала, когда болела ты. Когда ты лежала в жару и бредила. Я выхаживала тебя! Я бегала и просила в долг лекарства! — дрожащим голосом продолжала я.

— У неё были дети! Маленькие дети!

— Зато прочитала газету и добралась за сорок минут. Как только узнала про деньги.

— Прекрати! — закричала мама. А ее лицо превратилось в маску ярости.

— Сколько времени она тебя благодарила? Десять минут? Полчаса? Этого хватило, чтобы ты отдала ей мой единствен-

ный шанс? Мой единственный шанс ходить, мама.

Мама дрожала. Вся. От подбородка до кончиков пальцев.

— Я не позволю разговаривать со мной в таком тоне. Я твоя мать. Ты не смеешь упрекать меня! Ты ещё слишком молода, чтобы понимать, что иногда приходится выбирать! — ее голос звенел в комнате.

Глава 23

Я пыталась вставить хоть слово, но мать не успокаивалась.

— Ты не станешь прежней, Флорис! Не выйдешь замуж, не будешь танцевать на балах, не родишь детей! Сколько бы денег мы ни потратили, этого уже не изменить! — кричала она мне в лицо. — Ты безнадежна! Раньше твоим главным оружием была красота! То, как ты танцевала! Был шанс на удачную партию! А сейчас шанса нет! Нет его! Слышишь! К тебе никто не посватается! Ты никому не нужна, жена — обуза!

Она перевела дыхание, глядя на меня.

— Так что будь так любезна, — мать наконец взяла себя в руки, но ее голос еще подрагивал. — Не заикаться больше про деньги и лечение!

Я смотрела на неё, не отрываясь. Грудь матери тяжело вздымалась, ткань платья натягивалась и опадала. Казалось, она сама испугалась того, что только что произнесла вслух. Но забирать слова обратно не стала.

— Значит, всё закончилось? — спросила я. Голос звучал пугающе ровно, без единой дрожи. — Для меня?

Она секунду подумала, а потом нахмурилась собственным мыслям.

— Я не это сказала.

— Это! Я своими ушами слышала! Ты сказала это! — про-

изнесла я, пытаюсь сесть вопреки словам врачей.

— Тебе нужен покой. Она схватила перчатки, словно кружево вдруг стало раскалённым. — Когда ты успокоишься, мы поговорим.

— Ты подписала отказ от дальнейших претензий к галерее? — вцепилась я в последнее, что мне оставалось.

Мама замерла. Её рука уже легла на холодную латунную ручку двери. Я уже знала ответ. Он висел в воздухе, тяжёлый и удушливый, пахнувший пылью и старыми счетами.

— Это было условием выплаты, — ответила она, не оборачиваясь.

— Значит, больше денег не будет.

В ответ только тишина. Но и она была ответом.

— И лечения тоже.

Она снова промолчала. Только её плечи едва заметно напряглись, а взгляд скользнул в сторону, не в силах встретиться с моим.

Дверь закрылась. Тихо. Почти ласково. От этого мягкого звука стало ещё страшнее.

Я лежала неподвижно. Слезы, которые до этого брызнули, больше не появлялись. Наверное, даже они не понимали, зачем приходить, если никому не нужны. Внутри разливалась странная, ледяная пустота. Она холодила сильнее, чем мраморный пол в тот день.

За окном сгущались сумерки, окрашивая комнату в грязно-серые тона. На стенах становились всё заметнее следы от

проданных вещей. Пустое, более светлое место от книжного шкафа. Прямоугольник на обоях там, где висели часы. Глухая царапина на паркете, оставшаяся от отцовского массивного стола из редких сортов дерева с зеленым сукном, которое приятно было гладить рукой.

Возле самого изголовья, там, где я могла до него дотянуться, снова отклеился край обоев. Бумага загнулась, обнажая серую, крошащуюся штукатурку.

Ночью Мелли наверняка принесёт мучной клейстер. Она аккуратно смажет бумагу, прижмёт её ладонью и будет стоять, держась за край кровати, пока та не схватится.

Обои в этом доме ещё пытались спасти. Держали до последнего, подклеивали, прятали изъяны.

Меня — уже нет.

Глава 24

Утро началось не со света, а с боли.

Сначала она была тупой, тяжелой, сосредоточенной где-то между лопаток. Я лежала неподвижно и смотрела на светлое прямоугольное пятно на стене, оставшееся от отцовских часов. По тому, как медленно это пятно наливалось золотистым солнечным светом, ползущим по дорогим выцветшим обоям, можно было определять время.

Наверное, уже давно пора было принять обезболивающее.

Флакон с темным стеклом стоял на столике возле окна. Всего в нескольких шагах от кровати. Раньше я преодолела бы это расстояние, даже не задумываясь. Встала, сделала четыре шага, протянула руку.

Теперь между мной и лекарством лежала непроходимая пропасть.

В коридоре раздался торопливый, тяжелый топот.

— Мелли! — позвала я. Голос получился хриплым, тихим.

Шаги замедлились. Дверь приоткрылась, и в щели показалось раскрасневшееся, покрытое испариной лицо горничной. В руках она держала огромную стопку простыней. Верхние едва не сползали на пол, касаясь пыли на плинтусе.

— Вы звали, госпожа?

— Мне кажется, уже пора принимать лекарство.

Мелли испуганно посмотрела в сторону окна, словно сквозь стены могла увидеть циферблат.

— Ох! Конечно. Сейчас. Я только отнесу белье наверх и сразу вернусь. Я быстро, госпожа. Правда.

Она исчезла. Шаги снова застучали по коридору, потом по скрипучей лестнице.

Я закрыла глаза. Ничего страшного. Несколько минут можно потерпеть. Боль в спине начала пульсировать, отдавая в ребра тупыми, ноющими ударами.

Через некоторое время в коридоре раздался голос матери. Он был резким, недовольным и звучал так, будто она стояла прямо над моей дверью.

— Мелли! Ты куда понесла чистое белье? Я велела сначала перестелить постель в комнате Эвелин!

— Но госпоже Флорис нужно дать лекарство... — голос Мелли дрогнул.

— Что? Она может немного подождать. А комната должна быть готова. Вдруг Эвелин решит приехать с детьми?

— Но она только вчера уехала...

— Ты собираешься со мной спорить? Тогда не стой столбом. После этого сходишь в булочную. Закажешь пирог с грушами. Именно с грушами, а не то безвкусное яблочное тесто, которое они пытались подсунуть в прошлый раз. И зайди к прачке. Скажи, что платить за прошлую неделю мы не станем. Она испортила кружевную салфетку.

Голоса удалились, растворяясь в тяжелом, пыльном воз-

духе дома.

Я продолжала смотреть на пустую стену. Солнечное пятно сдвинулось еще на дюйм. Боль становилась острее. Она то затихала, превращаясь в ноющий фон, то внезапно простреливала спину так, что я впивалась пальцами в простыню и боялась вдохнуть, чтобы не закричать.

Хотелось позвать снова. Но Мелли и так сказала, что вернется. Она старалась. В отличие от остальных, она хотя бы старалась.

Я не знала, сколько прошло времени. Полчаса. Час. Может быть, больше. Время в этой комнате текло иначе, густое и тягучее.

Глава 25

Когда дверь наконец распахнулась, Мелли почти вбежала в комнату. На ней не было чепца. Светлые волосы прилипли к вискам, дыхание сбивалось. В руках она держала бумажный пакет, от которого пахло свежим хлебом и теплой мукой.

— Простите, госпожа! — выпалила она с порога, и в ее голосе звучал такой искренний ужас, что мне стало тошно. — Простите меня, пожалуйста! Я собиралась вернуться сразу, но хозяйка велела идти в булочную. А там очередь. Потом приказала зайти к мяснику, потому что он снова положил слишком маленькую кость для бульона. А потом...

— Мелли.

Она замолчала, тяжело дыша.

— Дай мне лекарство.

— Да. Конечно. Сейчас.

Мелли бросила пакет прямо на пол и подбежала к столику. Пальцы у нее дрожали так сильно, что стеклянная пробка выскользнула из рук, ударилась о дерево и закатилась под тяжелое кресло у окна.

— Боги... Простите...

Она опустилась на колени, полезла под кресло и глухо ударилась плечом о подлокотник.

— Не торопись, — попросила я, хотя от боли перед гла-

зами уже плавали мутные круги.

— Я сейчас. Сейчас всё сделаю.

Пробка нашлась. Мелли отсчитала капли в стакан, приподняла мою голову и поднесла воду к губам. Я пила медленно, жадно глотая прохладную жидкость. Каждое глотательное движение отдавалось в позвоночнике тупым толчком.

— Вам давно нужно было принять лекарство? — тихо спросила она, не глядя мне в глаза.

Я не ответила. Она сама всё поняла. Ей не нужно было объяснять.

— Простите меня, госпожа Флорис.

— Ты не виновата. Мама отправила тебя по делам.

— Я могла сказать ей...

— И что тогда?

Мелли опустила глаза. Мы обе знали ответ. Мама повысила бы голос. Обвинила бы ее в лени. Возможно, пригрозила увольнением. А Мелли некуда было уходить. Она сирота. Даже здесь ей уже два месяца не платили жалованья, но хотя бы позволяли спать на узкой кровати в кухне и есть обеды.

— Я постараюсь больше не опаздывать, — прошептала она. — Буду вставать раньше. Сделаю всю работу до того, как хозяйка проснется.

— Ты и так почти не спишь.

— Ничего.

Она улыбнулась, но тут же поморщилась, втянув воздух сквозь зубы. Только сейчас я заметила ее руки.

На подушечках пальцев темнели свежие порезы. Один был глубоко перетянут тонкой полоской ткани, уже пропитавшейся кровью. Кожа вокруг покраснела и воспалилась, а ноготь на большом пальце треснул почти до середины.

— Что с тобой?

Мелли спрятала руки в складках грязного передника.

— Ничего, госпожа...

— Покажи! — настаивала я.

— Госпожа... Не надо, — выдавила из себя Мелли.

— Мелли.

Она нехотя протянула ладони.

Глава 26

— Я торопилась нарезать овощи, — призналась она, глядя в пол. — Потом хозяйка велела почистить серебро. Там край у одного подноса острый, как бритва. А еще я перестилала постель, переворачивала матрас, а там дырка... И я случайно зацепилась за пружину.

— Тебе нужно обработать порезы.

— Потом, — отмахнулась Мелли.

— Они воспалятся.

— Не успеют.

Она сказала это с такой серьезностью, с такой привычной покорностью, что я не выдержала. Горло сдавило спазмом, и из глаз потекли слезы.

Мелли испуганно подняла голову.

— Вам больно? Лекарство не помогает?

— Помогает.

— Тогда почему вы плачете?

Я отвернулась к стене, глядя на пыльный плинтус.

Потому что человек с изрезанными, гноящимися пальцами стоял передо мной и извинялся за то, что не успел вовремя облегчить мою боль. Потому что она была младше меня и уже привыкла считать собственные раны чем-то, что может подождать. Потому что я лежала в мокрой, остывшей постели и боялась признаться ей, что белье снова нужно менять.

Что я терпела до последнего. До боли.

— Я не держу на тебя зла, — выговорила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Слышишь? Ни капли. Ты делаешь всё, что можешь. Если бы мать не пожадничала, то давно наняла мне сиделку. Но, как видишь... Деньги ушли Эвелин.

— Я должна была прийти раньше. Я знала, что вы ждете.

— Ты не можешь разорваться на две части, — спорила я.

— Я и так очень благодарна тебе. Очень. Слышишь.

Мелли сжала губы.

— Я постараюсь работать быстрее. Тогда у меня останется время на вас.

«На вас». Словно я была еще одной обязанностью. Такой же, как серебро, белье, пирог с грушами и спор с мясником. Но в ее голосе не было раздражения. Только отчаянное желание успеть.

Мелли откинула одеяло и замерла. Я увидела, как изменилось ее лицо. Она сразу отвела глаза, стараясь не выдать ни жалости, ни брезгливости.

— Прости, — прошептала я, жмурясь так, словно темнота спасет меня от позора.

— За что?

— Я не смогла дождаться. Я очень терпела... Мне очень... очень неловко...

— Вы не должны извиняться. Я сейчас всё поменяю и уберу...

Она сказала это слишком быстро. Потом закатала рукава

и принялась менять простыню. Одной ей было трудно. Чтобы вытащить мокрую ткань, нужно было хотя бы немного повернуть меня на бок, не сгибая позвоночник. Мелли подсовывала под спину руки, приподнимала меня, тянула простыню, снова укладывала. Я кусала губы до крови, чтобы не стонать.

Мы обе вспомнили ту первую ночь. Я закрыла глаза и попыталась снова нащупать под рёбрами холодную нить.

— Может, вы попробуете, как тогда? — осторожно произнесла Мелли.

По просьбе Мелли я попыталась подняться снова. Напрягалась до головной боли, представляла, как становлюсь легче, искала внутри холодную нить. Но воздух оставался воздухом, а матрас по-прежнему давил на спину.

Ничего не произошло. Моё тело осталось тяжёлым и неподвижным.

— Не получается, — выдохнула я.

Глава 27

Мелли кивнула и снова просунула руки мне под спину.

Из пореза на ее пальце выступила кровь. Тяжелая красная капля сорвалась и упала на чистое, накрахмаленное белье.

Мелли побледнела.

— Ох, нет... Хозяйка увидит.

Она попыталась стереть пятно краем передника.

— Оставь, — сказала я. — Скажем, что это моя кровь.

Она посмотрела на меня. Наверное, в другое время мы обе рассмеялись бы. Теперь Мелли только опустила голову, и ее плечи дрогнули.

— Я быстро вас умою, — сказала она. — И волосы расчешу.

Она протерла мое лицо прохладной тканью, поправила подушку. От умывания мне стало легче. Но до волос дело не дошло.

Из коридора донесся голос матери:

— Мелли! Где тебя носит?

Горничная вздрогнула, словно от удара.

— Я помогаю госпоже! — крикнула Мелли.

— Бросай всё! Немедленно спустись! Посыльный из банка уже ждет!

Мелли посмотрела на мои спутанные, слипшиеся волосы. Потом на дверь.

— Я только расчешу госпожу! — отозвалась Мелли.

— Посыльный ждать не станет! Мелли! — донесся голос матери.

Она сжала щетку так сильно, что побелели костяшки пальцев.

— Иди, — сказала я. — Я сама расчешусь... Просто оставь расческу...

— Я быстро вернусь. Прямо сейчас отнесу бумаги и вернусь, — прошептала Мелли, когда я стала расчесывать волосы, чувствуя, как они путаются и выются.

— Я знаю, Мелли. Иди, — кивнула я.

Дверь закрылась.

В тот день Мелли забегала еще трижды. В первый раз принесла холодный бульон, но мама тут же позвала ее проверить счета прачки. Во второй взбила мне подушку и пообещала принести воды.

В третий уже стемнело.

— Ешьте, пожалуйста, — попросила она, ставя на столик тарелку с бульоном. — Вы с утра почти ничего не ели.

Желудок сводило от голода. Во рту пересохло, на языке появился горький привкус. Я хотела пить так сильно, что готова была проглотить воду вместе со стаканом. Но потом подумала о мокрой простыне. О том, как Мелли будет одна поворачивать меня, кусая губы от напряжения. О том, как снова закричит мама. О том, сколько часов мне придется ждать, если Мелли не сможет прийти.

— Я не хочу, — произнесла я, чувствуя такое унижение, что пришлось стиснуть зубы, чтобы не заплакать.

— Хотя бы бульон, — прошептала Мелли, поднося ложку к моим губам.

— Меня тошнит, — солгала я, проглатывая горечь во рту. Мелли нахмурилась.

— Тогда воды? Или чая? — спросила она.

Я покачала головой.

Она смотрела на меня несколько секунд. Кажется, начала понимать.

— Госпожа Флорис... Я очень стараюсь. Я не бросила вас. Вы ведь не думаете, что я...

— Не думаю, — тихо перебила я. Я протянула руку и коснулась ее изрезанных пальцев. Кожа была горячей, воспаленной. — Иди... Лучше обработай порезы.

В коридоре что-то тяжелое упало на пол.

Мама немедленно закричала:

— Мелли! Иди посмотри, что там упало!

Горничная закрыла глаза.

— Иди, — шепотом повторила я.

— Я вернусь перед сном, — кивнула Мелли, выскакивая из комнаты.

— Хорошо, — вздохнула я, видя, как закрывается за ней дверь.

Но перед сном она не вернулась.

Глава 28

Я лежала в темноте и слушала звуки дома. Шаги на втором этаже. Хлопанье дверей. Звон посуды. Голос матери, которая требовала найти красивую ленту для перевязки писем. Постепенно боль снова начала возвращаться, ползти по нервам, словно ледяные палыцы.

Я не знала, сколько времени прошло с последних капель. Наверное, еще не так много. Можно потерпеть.

Нужно было привыкать терпеть.

Когда-то я боялась, что больше не смогу ходить. Теперь страхи стали мельче, пошлее, унижительнее. Я боялась захотеть воды. Боялась проголодаться. Боялась, что мне снова понадобится помощь, чтобы просто сходить в туалет.

Мой мир сузился до размеров этого матраса.

Флакон с обезболивающим стоял на столике возле окна.

Казалось, не так далеко. Можно сказать, совсем близко. Всего пара шагов.

Я бессмысленно протянула руку. Если бы могла сдвинуться на несколько сантиметров. Если бы могла позвать Мелли и точно знать, что мама снова не отправила её на другой конец дома.

Я потянулась сильнее, чувствуя, как боль впивается в позвоночник, и тут же обмякла на подушке.

Флакон темнел за краем кровати.

— Сюда, — прошептала я неизвестно кому. — Ну пожа-
луйста... Просто сюда.

Стекло тихо звякнуло.

Я замерла.

Флакон дрогнул. Медленно повернулся на месте и сдви-
нулся по столешнице на ширину пальца.

Я перестала дышать.

Наверное, мне показалось. Обезболивающее ещё не вы-
шло из крови. Или столик стоял неровно. В этом доме всё
давно перекошилось: полы, стены, двери, люди.

— Ещё, — прошептала я.

Флакон снова дрогнул.

На этот раз я увидела точно.

Он скользнул ко мне ещё немного, качнулся и остановил-
ся у самого края.

Я протянула дрожащую руку.

— Ну же!

Флакон задрезжал, словно внутри него что-то закипело.
В виски ударила резкая боль. Перед глазами вспыхнули бе-
лые точки, и стекло замерло.

Я закрыла глаза, тяжело дыша.

Наверное, всё-таки показалось.

Глава 29

Если бы я действительно умела двигать вещи одним желанием, я бы не лежала сейчас и не просила маленький флакон подползти ко мне, как дрессированную собаку.

Я вспомнила лицо Мелли в ту первую ночь. Её ладонь, показывающую расстояние между моим телом и матрасом. Простыню, которая сама расправилась подо мной.

Одно происшествие ещё можно было списать на боль, страх и лекарскую магию. Два — уже сложнее.

Значит, внутри меня действительно могло быть что-то, способное двигать предметы. Только сейчас этой силы не хватило даже на то, чтобы протащить маленький флакон через стол.

А ведь еще несколько дней назад я думала о балах, о море, о мужчине, которого я смогу полюбить. О том, что мечтаю научиться танцевать, как Глория Вандер.

Когда-то в том мире я мечтала танцевать. Я чувствовала, что это мое призвание. И упрашивала родителей отдать меня на танцы. Но на танцы меня нужно было возить. А это время. Поэтому после трех недель занятий мать забрала мои документы. У родителей не было времени. Студия находилась далеко от дома, а одну меня не отпускали.

Я выучилась на технолога. И даже нашла работу. В тот день, когда я попала в этот мир, я как раз шла записываться

в танцевальную студию для взрослых. Я смутно помню, что было. Словно кто-то стер память о моей смерти там, чтобы я могла очнуться здесь.

И тогда я увидела Глорию Вандер... Аристократка, которая пленяет своим танцем. Она танцевала, а вокруг нее струилась магия. Это было так прекрасно, что ее просили танцевать на бис. Она была звездой, которая завораживала своим танцем.

Теперь я не думала о Глории, о танцах, о любви, о счастье. Я думала только о том, сколько часов осталось до обезболивающего.

Слезы стекали к вискам и впитывались в волосы, делая их жесткими и липкими. Я позволила себе плакать. Мама все равно не видела. Мелли не слышала. А больше в этом доме никого не интересовало, плачу я или нет.

Утром горничная все-таки вернулась. Умыла меня, поменяла белье, попыталась распутать волосы, но не успела. Мама отправила ее договариваться с угольщиком. Потом — к аптекарю. Не за моими лекарствами. За успокоительными каплями для себя. После — снова в булочную, потому что вчерашний пирог оказался недостаточно свежим.

День тянулся медленно, мучительно. Солнце перемещалось по стене, и я следила за ним, как за единственным живым существом в комнате. Я не ела завтрак. Почти не притронулась к обеду. Сделала два маленьких глотка воды, чтобы Мелли не смотрела на меня так испуганно.

К вечеру дверь открылась. Я приготовилась увидеть растрепанную горничную.

Но вошла мама.

На ней было домашнее платье глубокого сливового цвета. Волосы уложены, на щеках легкий румянец. Она выглядела отдохнувшей, ухоженной и почти счастливой. Этот контраст с моей грязной, пахнущей потом и болезнью комнатой был почти физически оскорбителен.

В руках она держала письмо.

Плотный кремовый конверт. Дорогая, тяжелая бумага. Темный сургуч с оттиснутой печатью.

Кровь прилила к лицу, в висках застучало. Я приподняла голову, опираясь на локти.

Может быть, это ответ магистра Вейрена? Мелли ведь искала его адрес. А вдруг сестра вернула деньги, и мама успела написать ему? Или кто-то из лекарей галереи сообщил о моем состоянии, и он согласился помочь в долг? Возможно, письмо пришло из дворцового лечебного корпуса. Возможно, король все-таки вспомнил о девушке, подвигом которой успел публично восхититься.

А может быть... Я посмотрела на маму. Может быть, я ошиблась в ней. Может быть, все это время она не сидела сложа руки. Искала лекаря. Писала. Договаривалась. Просто ничего мне не говорила, чтобы не давать напрасной надежды.

От этой мысли внутри что-то болезненно сжалось. Мне

так хотелось ошибиться. Хотелось, чтобы сейчас мама села рядом, взяла меня за руку и сказала, что помощь уже едет.

Я смотрела на письмо и боялась дышать.

— Я несу тебе радостную новость, — произнесла мама.

Мама пододвинула кресло к кровати, устроилась поудобнее, поправив складки на юбке, и медленно поддела ногтем сургуч. Конверт раскрылся с тихим, сухим звуком.

Она вынула сложенный лист. Пробежала глазами первые строки

Глава 30

— Послушай только, как Эвелин начинает, — произнесла мама, разглаживая плотный кремовый лист на коленях. — «Дорогая мамочка...»

Она остановилась. Улыбнулась и повторила медленнее, словно пробовала каждое слово на вкус, наслаждаясь его сладостью:

— Дорогая мамочка.

Надежда не просто разбилась. Она истаяла, как тонкий лед на весенней луже, не оставив после себя даже сырости.

Письмо было не от лекаря. Не из дворцового лечебного корпуса. Не от магистра Вейрена.

Эвелин. Конечно же, Эвелин.

Я тяжело откинула голову на подушку, от которой пахло пылью и кислым потом. Боль, на несколько мгновений отступившая перед призраком спасения, вернулась. Она впилась в позвоночник тупым, ржавым гвоздем, напоминая, что каменная арка никуда не делась. Она просто стала невидимой.

— Не надо, — прошептала я, скривившись. Вот что-то, а про сестру я сейчас слышать не хочу! Ничего!

Мама подняла взгляд, и в её глазах мелькнуло искреннее недоумение. Как можно отказаться от такого сокровища?

— Что? — удивленно спросила она. — Я пришла поделиться радостью! В нашей семье радость!

— Я не хочу слушать, — прошептала я, чувствуя, как в груди что-то дрожит от ярости.

Она нахмурилась, поправляя кружева на манжете.

— Ты ещё ничего не слышала, — строгим и немного мечтательным тоном произнесла мама.

— Я знаю достаточно, — прошептала я, кусая губы.

— Ничего ты не знаешь. Эвелин пишет, что у них наконец всё наладилось! — голос мамы дрогнул от счастья, а она улыбнулась.

— Мама, пожалуйста, — сквозь зубы произнесла я, чувствуя, что если сейчас расплачусь.

— Послушай. Тебе будет полезно узнать, что хотя бы у одного человека в нашей семье случилось нечто хорошее! Ты должна порадоваться за сестру! — расцвела мама, поглаживая пальцами конверт.

Она снова развернула лист, и шуршание бумаги показалось мне громче, чем стук колес на мостовой.

— «Дорогая мамочка! Не знаю, как выразить словами всю благодарность, которая переполняет моё сердце...», — с выражением прочитала мама.

Она на секунду замолчала и прижала письмо к груди, закрыв глаза. На ее лице появилась выстрадавшая улыбка.

— Ты слышала? Переполняет её сердце, — повторила мама так ласково, словно эти слова доставляли ей истинное удовольствие.

Я отвернулась к стене, глядя на отклеившийся угол обоев.

— Не читай, — проскрипела я.

— Почему? — снова в ее голосе послышалось удивление.

— Потому что я не хочу! — наконец-то повысила голос я.

— Я не хочу это слышать!

— Но это прекрасное письмо! — в ответ повысила голос мама, а ее губы задрожали.

— Для тебя оно прекрасное! — бросила я, чувствуя, как каждое слово разъедает мне душу.

— И для тебя тоже. Это твоя сестра.

Мама поднесла лист ближе к свету, ловя отражение от окна.

— «Сегодня представители банка официально отозвали требования. Дом остаётся нашим. Впервые за долгие недели я смогла уложить детей спать, не боясь, что утром в дверь постучат судебные приставы...»

— Хватит! — рявкнула я.

Она не остановилась. Голос её звучал всё громче, наполняясь праведным восторгом.

Глава 31

— «Дариан так крепко уснул, что даже не проснулся во время грозы. А маленькая Ида спросила, вернут ли ей теперь пони... Я пообещала, что мы купим ей нового пони. И она попросила рыжего. Сандра еще ничего не понимает, но уже почти не плачет... И это счастье... Я сказала своим горничным, чтобы завтра у нас были швеи. Мне нужно обновить свой гардероб...»

— Мама, я сказала, хватит!

Меня трясло. Мой голос прозвучал резко, хрипло, сорвавшись на визг. В спине вспыхнула боль, отдавая в ребра. Я зажмурилась, пережидая приступ, вцепившись ногтями в ладони.

Мама даже не поднялась с кресла. Она только сложила письмо пополам. Медленно. Очень аккуратно совмещая края, словно это была бесценная реликвия.

— Ты эгоистка! — изрекла мама, а в ее голосе дрогнула нота обиды. — Я, значит, спешила поделиться с тобой радостной новостью...

— Радостной? — переспросила я, поражаясь, что она, как собачка, прыгает вокруг Эвелин и готова все продать за ее «мамочка».

Мать смотрела на меня с обидой, словно вот-вот заплачет.

— Да, Флорис. Радостной. У твоей сестры сохранился

дом. Дети не останутся без крыши над головой. Её супруг вернулся в семью. Кредиторы отступили. Неужели всё это не заслуживает быть радостной новостью?

Я смотрела на неё. В её глазах действительно было счастье. Она сидела рядом с моей кроватью, держала в руках бумагу, оплаченную моим будущим, и ждала, когда я улыбнусь и буду искренне радоваться за сестру.

— Деньги, на которые она сохранила дом, могли вернуть мне ноги, — напомнила я.

Мамина улыбка исчезла. Лицо окаменело.

— Опять ты говоришь только о себе!

Несколько мгновений я не могла ответить. Воздух в комнате казался слишком густым, его не хватало на двоих.

— О себе? — спросила я безжизненным голосом.

— Мы уже обсуждали это. Ты всё равно продолжаешь. Мои ноги. Моё лечение. Мои деньги. Ты совершенно не способна посмотреть на ситуацию глазами другого человека! — произнесла она, бережно глядя письмо.

— Я лежу здесь и не могу повернуться без чужой помощи, а ты читаешь мне письмо о чужом счастье, купленном на мои деньги? О платьях и пони? — выпалила я.

— И что с того, что ты лежишь здесь? Весь мир должен остановиться? — выкрикнула мама.

— Нет. Но моё лечение не должно было оплачивать долги мужа Эвелин! Это его долги! Это его карты! Это их проблемы!

— Она твоя сестра!

— А я твоя дочь.

Мама отшатнулась так, словно я плюнула ей в лицо.

— Не смей говорить со мной в таком тоне. К тому же Эвелин обещала вернуть деньги.

— Конечно. Вернет она. Она-то вернет! — я чувствовала, как в голосе прорезается сарказм. — А в каком тоне мне говорить? Благодарить тебя? Ой, спасибо, дорогая мамочка! Спасибо, что у меня теперь нет ни шанса, ни надежды! Зато моя сестричка счастлива. Спасибо тебе! Огромное! От всей души!

— Ты могла бы хотя бы порадоваться за детей! — огрызнулась мама.

— Я не желала им зла.

— По твоему лицу этого не скажешь, — в голосе матери просквозило обиженное высокомерие.

Глава 32

— Что ты хочешь от меня услышать? — дрогнувшим голосом произнесла я.

— Что ты рада.

— А я не рада, — честно сказала я.

Мама побледнела, ноздри её раздулись.

— Значит, ты предпочла бы, чтобы их выбросили на улицу? Чтобы они влачили жалкое существование? Чтобы твою сестру забрали в работный дом? Или чтобы ей пришлось идти чьей-то гувернанткой? Эвелин Моллард — гувернантка! Позор!

— Я предпочла бы, чтобы их отец сам расплачивался за свои долги, — ответила я, скрипя зубами.

— Легко рассуждать, когда у тебя нет детей. Тебе никогда не понять боль матери.

Слова повисли между нами, тяжелые и тошнотворные. Мама поняла, что сказала, только спустя мгновение. Но не извинилась. Она лишь слегка приподняла подбородок, принимая позу мученицы.

Я посмотрела на неё.

— У меня их теперь, вероятно, никогда и не будет. Ты ведь сама мне это объяснила. Недавно.

Она отвела глаза, глядя на узор ковра.

— Я не хотела...

— Хотела, — прошептала я. — Ты хотела... И сделала...

— Ты всё переворачиваешь! Что за манера дурацкая всё перекручивать! Ты и раньше не отличалась хорошим характером, а сейчас он у тебя совсем испортился! Не удивляйся, что к тебе в комнату заходить не хочется лишний раз!

— Я просто повторила твои слова.

Мама резко поднялась с кресла. Письмо задрожало в её руке.

— Я пришла к тебе счастливая. Хотела разделить с тобой свою радость. Хотела показать, что мои усилия не пропали напрасно. Благодаря мне семья твоей сестры спасена!

— Благодаря моим деньгам, — поправила я, сжимая одеяло. Это всё, что мне оставалось.

— Деньги принадлежали семье!

— Тогда почему в газете было моё имя?

— Потому что арка упала на тебя!

— Именно.

Мама тяжело дышала, прижимая ладонь к груди, словно я пытаюсь отнять у нее счастье.

— Ты совершенно не умеешь радоваться за других!

Я закрыла глаза.

— Наверное.

— Ты лишена простейшего человеческого великодушия.

— Наверное.

— Я крайне разочарована в тебе, Флорис.

Мне стало почти смешно. Она украла мой шанс на лече-

ние, а разочарована была во мне.

— Хорошо, — произнесла мама, складывая письмо и убирая его обратно в конверт. — Я прочту его одна. По крайней мере, меня это письмо делает счастливой. И если тебе не нравится, я больше не стану заходить в эту комнату! Слышишь? Я не хочу каждый раз выслушивать твое нытье.

Она направилась к двери, но у порога остановилась, обернувшись через плечо.

— И впредь я не стану рассказывать тебе об Эвелин. Раз ты не способна разделить моё счастье, я не позволю тебе его портить.

Глава 33

— Спасибо. Ты делаешь огромное одолжение.

— Потом не жалуйся, что мама к тебе не заходит. Ты целыми днями ноешь и ноешь. Знаешь что, дорогая моя? В твоём положении люди стараются вести себя как можно тише, чтобы не обременять родственников! Но ты делаешь всё наоборот!

— Спасибо за нравоучения. У меня есть повод, как ты выразилась, ныть.

Мама вздрогнула. Наверное, ожидала просьб, извинений или хотя бы слёз. Но слёзы закончились ещё тогда, когда она назвала меня эгоисткой за желание снова ходить.

Она вышла, плотно закрыв дверь. Щелчок замка прозвучал как точка после запятых.

Я осталась одна.

В комнате медленно темнело. Солнечный свет сползал со стены, оставляя после себя серую, мертвую тень. На потолке проступала трещина. Чем темнее становилось вокруг, тем глубже она казалась, словно разрывая дом надвое.

Может, попросить Мелли принести книгу? Читать лежа не очень удобно, но я попробую. Это хоть какой-то способ забыться.

Пока книги не было, я лежала и думала.

Муж Эвелин вернулся. Клялся, что больше не станет иг-

рать. Конечно. Теперь у него снова появились деньги, которые можно было проиграть. А через год, когда кредиторы снова придут за серебром, Эвелин напишет маме ещё одно письмо. И мама снова будет гладить его, наслаждаясь словами «дорогая мамочка».

Я попыталась не думать об этом. Не получилось. Перед глазами возникала сестра. Она сидит за накрытым столом в спасённом доме. Дети спят наверху. Муж просит прощения. Кредиторы отступили. Наверное, всё действительно было хорошо. Только почему-то от этого хотелось выть. Не потому, что я желала им разорения. А потому, что их благополучие было куплено ценой моего здоровья.

Я повернула голову к окну. стакан воды стоял на столике. Рядом — тарелка с остатками остывшего бульона, покрытого тонкой мутной пленкой.

Желудок сжался, требуя пищи. Я не ела почти весь день. Во рту пересохло, на языке появился горький привкус.

Мне хотелось умереть. Сейчас это желание было настолько сильным, что я всерьез задумалась об этом. Но сама смерть меня пугала.

Дверь открылась бесшумно. Мелли прибежала уже после наступления темноты. Она открыла дверь бедром, держа в руках поднос. На нём стояла тарелка жидкой каши, чашка чая и маленький черствый кусок хлеба. От девушки пахло мокрой шерстью, дрожжами и холодом.

— Простите, госпожа! — выпалила она, ставя поднос на

край стола. — Я собиралась прийти раньше, но хозяйка велела разобрать посылки, потом переписать продукты в кладовой, а потом пришлось снова бежать в булочную. Они забыли положить в корзину сладкие сухари.

Она посмотрела на нетронутую дневную еду, и её плечи опустились.

— Вы совсем ничего не съели?

— Не хотелось, — соврала я.

— Но с утра...

— Я не голодна, Мелли, — прошептала я, пряча слезы.

Мелли подошла ближе. Волосы у неё снова выбились из-под чепца. Один палец был неумело обмотан свежей белой тканью, на которой расползлось коричневое пятно.

— Может быть, хотя бы кашу? Она тёплая.

Глава 34

— Нет, — помотала я головой.

— Бульон вам не понравился? Я завтра сварю другой. Только скажите, какой. Сейчас дома достаточно продуктов. Вы даже можете выбирать, что поесть! — кивнула Мелли.

— Бульон хороший.

— Тогда почему вы ничего не едите?

Я посмотрела на чай. От него поднимался лёгкий пар. Пахло мятой и дешёвым молоком. Пить хотелось так, что сводило горло. Но я представила, как буду давиться, как вода прольётся на сорочку, как потом простыня намокнет. А потом Мелли будет одна, в темноте, поворачивать меня, кусая губы от напряжения и страха, что хозяйка услышит скрип кровати.

— Меня тошнит, — прошептала я свою отговорку.

Мелли тревожно нахмурилась, протягивая руку к моему лбу.

— Из-за лекарства? Да? — спросила Мелли, глядя на пузырьрёк.

— Наверное, — соврала я.

— Тогда нужно позвать врача.

— Не нужно.

— Госпожа Флорис...

— Я просто хочу спать, — простонала я, мечтая, чтобы

она перестала настаивать.

Мелли не двигалась. Потом осторожно взяла чашку, звякнув ложкой о фарфор.

— Хотя бы один глоток. Ну совсем маленький глоточек... Он придаст вам силы...

— Нет, — шепнула я, отвернувшись от ложки.

— У вас губы потрескались, — прошептала Мелли.

Я отвернулась к стене, пряча лицо в подушку настолько, насколько это получалось при моей почти полной неподвижности.

Она постояла возле кровати, не понимая, что делать. Тишина между нами была густой, наполненной тем, о чём мы не говорили.

— Вы боитесь пить, — тихо произнесла она.

Я ничего не ответила. Потому что это была правда. Я боялась стать обузой. Боялась, что каждая капля воды обернётся для неё очередным ударом и криками матери.

Мелли опустила чашку обратно на блюдце.

— Я приду ночью, — прошептала Мелли, вздыхая.

— Ты не придёшь, — ответила я, зная ответ заранее.

— Приду, — упрямо твердила Мелли.

— Мама даст тебе ещё десять поручений.

— Я всё сделаю быстрее.

— Не надо. Мелли. Прошу тебя. Не надо, — прошептала я, чувствуя, что сейчас расплачусь. — Лучше отдохни... Я... я потерплю...

— Надо.

— Ты не можешь не спать совсем, Мелли. Ты упадёшь. Мама тебя загоняет!

— Я справлюсь.

— Мелли...

— Я не позволю вам лежать и терпеть. Это неправильно! Она сказала это почти сердито, с той самой упрямой злостью, с которой цепляются за жизнь загнанные животные. Глаза у неё блестели в полумраке.

Я посмотрела на её тонкие, забинтованные пальцы.

— Ты не виновата.

— Но я могла бы...

— Не могла.

— Я должна была.

— Послушай! — не выдержала я. — Ты и так одна обслуживаешь весь дом! Бегаешь по поручениям! Занимаешься стиркой! Помогаешь на кухне! Тебе нужно отдыхать...

— Мне всё равно.

— А мне нет.

Мелли закусила губу, так что на ней выступила белая полоска. Я протянула руку и слабо коснулась её запястья. Кожа была горячеей, пульс бился часто и неровно.

— Я не сержусь на тебя. Ни за лекарство, ни за бельё, ни за то, что ты не успеваешь расчесать мне волосы. Я всё понимаю, — мой голос треснул, а я попыталась удержать слезы.

— Но вам же неприятно лежать на мокром, — прошепта-

ла Мелли, проверяя простыни рукой.

Глава 35

— Мне неприятно не из-за тебя.

Она быстро отвернулась и вытерла лицо плечом, смахивая предательские слезы.

— Я всё-таки оставляю чай рядом. Если вдруг захотите попить, вы легко дотянетесь. Я положила побольше сахара. Я знаю, как вы любите сладкое... И лекарство... Сейчас я подтащу столик, чтобы вы могли сами принимать его, если я вдруг не успеваю... Я оставляю вам графин с водой.

— Хорошо, — равнодушно ответила я, обещая себе, что не притронусь к чаю.

Мелли поправила подушку, расправила одеяло и осторожно провела ладонью по моим спутанным, жестким от грязи волосам. Её прикосновение было легким, словно она боялась, что я рассыплюсь.

— Завтра расчешу. Сама!

— Завтра, — улыбнулась я, радуясь, что она уходит. — Отдохни, Мелли.

Комната изменила запах. Я это заметила. Теперь здесь пахло уже не пылью и стариной. Теперь здесь пахло потом, мокрыми простынями и безнадеей. И этот запах казался мне еще более омерзительным, чем мое положение.

Горничная стала толкать тяжелый столик прямо к кровати.

ти. Я видела, как у нее на лбу выступила испарина. Но она дотолкала его и поставила лекарства так, чтобы я могла до них дотянуться. И выпить.

За что я была ей очень благодарна.

— Как я раньше не додумалась, — вздохнула она, ударив себя по лбу. — Вот дура!

Дура. Это слово отозвалось в груди, словно нож провернулся в ране.

Так прошел еще один день. Теперь я уже не мучилась от боли. Я могла сама выпить лекарство. На столике лежала какая-то скучная книга про мореплавателя, решившего под старость лет написать свои мемуары. Но я читала, жадно впиваясь глазами в каждую строчку. Мне казалось, что именно так я смогу забыть про свою боль.

К вечеру Мелли принесла свежую газету.

Раньше она вбегала с ней, размахивая сложенными страницами, словно несла в комнату целый мир. Теперь вошла тихо и сразу попыталась положить выпуск на подоконник, подальше от кровати.

— Что там? — спросила я.

— Ничего важного.

— Поэтому ты прячешь?

Мелли остановилась. Газета хрустнула в её пальцах.

— Я просто подумала, что вам сейчас лучше почитать книгу.

— У нас ещё остались книги? — поинтересовалась я,

вспоминая разговоры с туземцами. И хвастовство через каждую строчку.

Она опустила глаза.

Книги из отцовского кабинета исчезали постепенно. Сначала редкие издания, потом красивые, потом все остальные, за которые букинист соглашался дать хотя бы несколько золотых.

— Дай сюда газету, Мелли.

— Госпожа Флорис... — заупрямилась Мелли. — Там читать нечего... Эм... Давайте вы отдохнете сначала, а я потом дам вам почитать? Договорились?

— Дай сейчас. Я и так, считай, целый день отдыхаю, — потребовала я.

Она подошла к кровати и положила выпуск рядом с моей рукой.

Заметка обо мне находилась на первой полосе. Там же, где и предыдущие. Люди выражали искреннее восхищение моим подвигом. «Женщина, которая не испугалась! Мужественная девушка!» Какими только эпитетами меня не награждали газетчики. Я понимала, что интерес ко мне начал угасать. Скоро меня ждет колонка между объявлением о продаже зимних шляп и сообщением о пропавшей породистой собаке.

**СЕМЬЯ МИСС МОЛЛАРД БЛАГОДАРИТ СТОЛИЦУ
ЗА УЧАСТИЕ**

Я начала читать.

«Как сообщила леди Моллард, состояние её младшей дочери, той самой отважной Флорис Моллард, остаётся стабильным. Мисс Флорис в данный момент находится дома, окружённая заботой, и получает всё необходимое лечение. Семья просит уважать покой пострадавшей и воздержаться от визитов и писем. Мы спросили у леди Моллард, матушки пострадавшей, как ей удалось вырастить такую дочь? Она ответила просто, что секрет ее воспитания заключается в любви. Она с детства учила дочь не проходить мимо чужого горя. И тем самым взрастила в ней доброе сердце! И она безмерно гордится подвигом дочери!».

Я перечитала последнюю строчку.

Потом ещё раз.

— Мама разговаривала с газетчиками? Когда она успела?

— в моем голосе слышалось возмущение.

Глава 36

Мелли стиснула пальцы.

— Они приходили вчера утром. Госпожа не позволила им войти. Вышла к ним сама.

— Получаю всё необходимое лечение, — повторила я, чувствуя, как от этой лжи внутри всё вспыхивает злостью. Зато мой голос прозвучал спокойно. Почти безразлично.

Все деньги мать отдала сестре. Не осталось даже на приличную сиделку. Я не говорю о лечении и попытке поставить меня на ноги.

Зато вся столица теперь знала, что я окружена заботой и любовью.

— Здесь ещё написано, — торопливо произнесла Мелли, словно пыталась найти в заметке хоть что-нибудь хорошее, — что представитель герцога Эдельгейма отказался давать комментарии на этот счет.

— Разумеется, — скривилась я.

Я перевернула страницу.

И сразу увидела их.

Магический снимок занимал почти половину разворота. Леди Глория стояла возле сцены, всё ещё в танцевальном платье, набросив на плечи светлый мех. Герцог склонился к ней, чтобы что-то сказать. Она подняла лицо и засмеялась. Изображение повторялось: его губы двигались, она смея-

лась, касаясь пальцами его рукава.

Снова.

Снова.

Снова.

Заголовок обещал:

СВАДЬБА, КОТОРУЮ ЖДЁТ ВСЯ СТОЛИЦА?

— Не читай, — попросила Мелли.

— Почему? — буркнула я, не сводя взгляда с лица герцога. Тот же самый мужчина, который ни разу не навестил меня. Не спросил, как дела? Не дал денег на лечение... Даже спасибо не сказал... Он сейчас готовится к свадьбе. А я лежу прикованной к кровати, забытая и одинокая. Навсегда.

— Потому что они всё выдумывают.

— Читай.

Она тяжело вздохнула.

— «Герцог Эдельгейм вновь посетил закрытую репетицию леди Глории Вандер. По словам очевидцев, после выступления они провели вместе почти час. Герцог преподнёс танцовщице белые розы и лично проводил её до экипажа. Близкие ко двору источники утверждают, что объявление о помолвке может состояться до первого зимнего бала».

Мелли замолчала.

На снимке Глория снова смеялась.

Она была красивой. Не той неподвижной, нарисованной красотой, которую создавали корсеты, пудра и дорогие платья. Её красота жила. Двигалась. Запрокидывала голову,

взлетала над сценой, опускалась на сильные, послушные ноги.

Я стала читать дальше.

Рядом со снимком находилась небольшая колонка, обведённая чёрной рамкой.

Глава 37

ДОЛГ ДРАКОНА

«Мы не сомневаемся, что леди Глория Вандер достойна восхищения. Её лёгкость, красота и редкий талант покорили не только столицу, но, судя по всему, и герцога Эдельгейма.

Однако некоторые наши читатели задают неудобный вопрос.

Всего несколько дней назад другая молодая женщина бросилась под падающую арку, чтобы спасти жизнь Его Светлости. Герцог не получил ни единой царапины. Мисс Флорис Моллард, напротив, лишилась возможности ходить и, вероятно, тех надежд на брак и семью, которые имеет любая девушка её возраста.

Разумеется, никто не вправе приказывать мужчине, кому отдавать сердце.

Но честь не всегда спрашивает сердце.

Пока герцог Эдельгейм посылает редкие цветы женщине, которая танцует перед восхищённой публикой, девушка, спасшая его жизнь, учится существовать без движения. Достаточно ли денежной компенсации, чтобы считать этот долг исполненным?

В некоторых салонах уже открыто говорят: единственным поступком, способным окончательно прекратить пересуды, стал бы официальный союз герцога Эдельгейма и мисс Мол-

лард.

Как стало известно нашей редакции, вчера Его Светлость был приглашён на личную аудиенцию к королю. Представители дворца отказались раскрывать содержание разговора».

Я вспомнила, как герцог смотрел на меня там, под разрушенной аркой. Значит, общество решило вернуть мне будущее, отняв его у него?

«Я не собираюсь жениться на женщине исключительно потому, что она совершила у меня на глазах подобную глупость».

Конечно, не собирался.

Зачем дракону женщина, которую придётся переносить с кровати в кресло, если рядом была та, что умела парить так, словно вообще не касалась земли?

— Он действительно ею увлечён, — тихо сказала я, а внутри дёрнулось что-то болезненное, живое и неприятное.

— Мы не знаем, что там на самом деле. Помните, в том году они писали, что виконт Дейваль женится на дочке миллионера? Так вот, оказалось, что это просто сплетня, чтобы от него наконец-то отстали кредиторы!

— Я смотрю, ты любишь читать газеты, — вздохнула я.

Я попыталась улыбнуться, но губа треснула, и во рту появился солёный вкус крови.

— Положи газету на столик. Я потом её прочитаю.

Мелли сложила её так, чтобы снимок оказался внутри.

Но я всё равно продолжала его видеть перед глазами.

Герцог склоняется к танцовщице. Она смеётся. Белые розы лежат у неё на руках.

Возможно, скоро он женится.

Возможно, когда-нибудь, проезжая по этой улице с молодой женой, он вспомнит девушку, которая бросилась под арку и испортила ему настроение.

А может быть, уже не вспомнит.

Так было бы даже лучше.

Мелли уже собиралась взять поднос, когда с улицы донёсся тяжёлый, глухой грохот колёс. Звук был непривычным для нашей улицы — не цоканье лёгких пролетов, а лязг металла и тяжёлое дыхание огромных лошадей.

Карета остановилась прямо перед домом. Лошади громко фыркнули. Скрипнули рессоры. Через несколько секунд хлопнула дверца, и звук её был таким резким, что Мелли вздрогнула.

Мы посмотрели друг на друга.

— Кто это может быть так поздно? — спросила она, и в её голосе прорезалась тревога.

Глава 38

— Эвелин. Наверное, приехала ещё раз поблагодарить мамочку. Или сообщить, что мужу понадобилась дополнительная сумма для окончательного возвращения в семью, — мрачно бросила я.

Всё! Хватит! Надежда умерла! Пора похоронить ее и больше никогда не выкапывать. Мне нужно смириться с тем, что никто не собирается меня лечить, что жизнь будет идти где-то за стенами, что сейчас я просто обуза, которую придется тянуть еще много лет. И этот мерзкий запах станет единственным запахом, который я буду чувствовать в этой комнате.

Мелли подошла к окну и осторожно отодвинула край тяжелой бархатной занавески.

— Нет, — спешно произнесла она, выглядывая на улицу.

— Что? — спросила я, насторожившись. Если не Эвелин, то кто?

— Это не госпожа Эвелин, — прошептала Мелли, всматриваясь в темноту.

— Тогда кто? — прошептала я, видя, как горничная пытается что-то рассмотреть и протирает стекло рукавом.

Мелли прижалась к стеклу, пытаясь рассмотреть гостя в темноте. Фонарь у подъезда горел тускло, пробиваясь сквозь осеннюю морось. И я знала, что там почти ничего не видно.

— Приехал какой-то мужчина, — неуверенно произнесла Мелли.

— Какой мужчина? — сглотнула я. «Доктор?» — екнула надежда, но я тут же ее задушила. Не смей! Не смей даже думать об этом! Хватит! Хватит рвать себе сердце. Ты никому не нужна!

— Не знаю, — задумчиво произнесла Мелли. — Я его раньше не видела.

— Молодой? Старый? — уточнила я.

— Кажется... молодой... Да! Молодой. Высокий. В тёмном пальто...

Я невольно посмотрела на свои спутанные волосы, на несвежую сорочку, на тарелку с застывшим, мутным бульоном.

— Что незнакомому мужчине нужно в нашем доме? — спросила я, полагая, что это приехали к матери.

— Не знаю. У него очень дорогая карета. И слуги в одинаковой форме. Кучер в ливрее, — сглотнула Мелли. — Видимо, он очень богатый...

— Посмотри на герб. Что там изображено? — прошептала я. Богатый мужчина приехал в дом Моллардов? Может, кредитор?

— Не вижу. Фонарь мешает. Морось...

Мелли отшатнулась, выпуская занавеску из рук.

— Всё. Уже не видно. Он направился к крыльцу. Мне пора. Я вернусь и всё-всё вам расскажу! Обещаю!

В доме раздался громкий стук. Один удар. Второй. Третий. Звук был не таким, каким стучат торговцы или просители. Это был стук человека, который не привык ждать, пока ему откроют.

Мелли бросилась к двери моей комнаты, на ходу поправляя передник.

— Подождите одну секундочку, госпожа. На кухне никто не услышит. Я открою и сразу вернусь. Госпожа наверху, так что она тоже вряд ли успеет спуститься...

Она выбежала. Я услышала, как её легкие шаги застучали по коридору, как скрипнула тяжелая входная дверь.

Послышались голоса.

Мужской — низкий, спокойный, лишенный всяких эмоций. От него даже сквозь закрытые двери веяло холодом. Мелли что-то ответила, её голос дрогнул.

Затем раздался мамин вскрик. Голос её сорвался на высокую, пронзительную ноту, в которой смешались ужас и подобострастие:

— Ваша светлость! Чем обязаны?

Я замерла. Кровь отлила от лица, оставив меня звенящей, холодной пустотой.

Ваша светлость.

Герцог? Неужели это тот, чью жизнь я купила своим позвончиком. Тот, кто назвал меня дурой.

Нет. Не сейчас. Только не сейчас.

Глава 39

Я попыталась пригладить волосы ладонью. Пальцы застряли в спутанных, жестких прядях, выдирая их с корнем. Попробовала подтянуть одеяло выше, но ткань лишь смялась возле талии, открывая вид на грязную сорочку. Я была грязная, сломанная, пахнувшая болезнью и...

Я принюхалась и тут же поморщилась.

В коридоре быстро приближались шаги. Торопливые, семенящие шаги матери, а тяжелые, размеренные, от которых, казалось, вибрировал пол.

— Ваша светлость, прошу вас, пройдёмте в гостиную! — торопливо говорила мама, её голос звучал жалко и суетливо. — Дочь отдыхает. Она пока не готова принимать гостей. Ей нужен покой...

— Я приехал не к вам, мадам.

Голос был знакомым. Холодным, как мрамор в тот день. Тем самым, который заставлял кожу покрываться мурашками не от страха, а от древнего, хищного ужаса.

— Но она нездорова! — настаивала мама, пытаясь заслонить собой дверь моей комнаты. — Её вид может вас смутить. Мы не можем...

Шаги остановились.

— Её вид?

— Да, ее вид! Она... в последнее время она... Она

очень... Ну вы поняли, — заметила мать. — Ваша светлость! Вам туда нельзя! Она отдыхает!

Ручка медленно опустилась. Дверь открылась, отбрасывая длинную черную тень на пол.

На пороге стоял герцог.

Он заполнил собой весь проем, отрезав меня от коридора, от матери, от всего мира. От него пахло холодным камнем, озоном после грозы и чем-то древним, что заставляло инстинкты выть и прятаться.

Несколько секунд он молча смотрел на меня. А потом сделал вдох и замер.

Его взгляд, тяжелый и немигающий, скользнул по моим спутанным волосам. По потрескавшимся, кровоточащим губам. По нетронутой еде, стоящей на столе. По стакану воды, графину и лекарствам. По отклеившимся обоям и пустым стенам, с которых были сорваны картины.

— Да она здесь не отдыхает, — медленно произнёс герцог.
— Она здесь... подыхает.

За его спиной раздался сдавленный вскрик.

Мама, которую герцог отодвинул от двери, торопливо вошла следом, придерживая одной рукой юбки, а другой всё ещё цепляясь за дверной косяк. Несколько секунд она смотрела на герцога, потом на меня, на застывшую возле кровати Мелли — и её лицо начало стремительно меняться.

Испуг исчез.

На его месте появилась паника человека, которого заста-

ли в доме до прихода гостей: с пылью на мебели, грязной посудой и потухшим камином.

— Ваша светлость! — выдохнула мама. — Вы так неожиданно... Нас никто не предупредил! Если бы мы знали, что вы собираетесь приехать...

Глава 40

Она метнулась к окну и рывком раздвинула занавески.

Серый вечерний свет хлынул в комнату, обнажая всё, что до этого скрывал полумрак: пятна на простыне, нетронутый бульон, полный стакан возле моей руки, спутанные волосы, растрескавшиеся губы.

Мама побледнела ещё сильнее, осознав, что теперь всё выглядит ещё более мерзко, чем в полумраке.

— Мелли! — закричала она, резко оборачиваясь. — Я сколько раз тебе говорила, что здесь нужно проветривать? Почему окно закрыто? И где цветы? Я велела поставить возле кровати цветы!

Мелли растерянно моргнула.

— Вы не велели, госпожа, — прошептала горничная.

Щеки матери вспыхнули, а она сжала руку в кулаке.

— Не смей мне перечить! Я говорила тебе ещё вчера! Или позавчера... Какая разница? В комнате больного человека всегда должны стоять свежие цветы! Это знает любая приличная горничная! — нервно произнесла мама, пытаясь найти хоть что-то, во что можно было поставить букет.

Мама схватила пустую вазу с подоконника и сунула её Мелли в руки.

— На! Держи! Иди немедленно! Посмотри в саду. Там оставались хризантемы. Или купи что-нибудь у цветочницы.

Только поживее!

— Не надо, — сказала я.

Голос прозвучал тихо. Слишком тихо на фоне маминой суеты.

Она словно не слышала, продолжая раздавать указания.

— И чистое бельё принеси! Почему постель до сих пор не перестелена? Посмотри, на что это похоже! Я не могу следить за всем в этом доме!

— Не надо, — повторила я громче.

Мама замерла с рукой на оконной ручке.

— Флорис, не вмешивайся. Я пытаюсь привести комнату в порядок, — в ее голосе появились нотки снисходительности.

— Комната тебя не беспокоила, пока сюда не вошёл герцог, — произнесла я, глядя на него. Интересно, что он сейчас чувствует? Ну, кроме этого ужасного запаха? Он ведь явно ожидал увидеть другое? Светлую комнату, мягкие подушки, чай с ромашкой и сиделку с пледом и книгой. Но вместо этого увидел то, что в дурном сне не приснится.

Её лицо дёрнулось.

— Что ты такое говоришь? Конечно, беспокоила! Я каждый день спрашивала, всё ли у тебя есть! — спорила мать.

— Ты ни разу не заходила сюда просто спросить, как я себя чувствую! — перебила я ее, не давая и дальше рассыпаться перед герцогом.

«Смотри, герцог! Вот она, моя жизнь!» — сглотнула я. — «Соответствует ли она той статье, которую читает вся столи-

ца? Или нет?»

— У меня дом! Слуги! Дела! — возмутилась мама. — Я не могу сидеть возле твоей кровати с утра до ночи!

Глава 41

— Но можешь с утра до ночи находить работу для Мелли,
— уперлась я.

Сейчас я хотела, чтобы хоть кто-то узнал правду. Не просто получил письмо в редакцию. Нет. Я хотела, чтобы кто-то своими глазами убедился в том, что здесь происходит.

Герцог ничего не говорил.

Он стоял возле кровати, сложив руки за спиной, и смотрел на маму. Выражение его лица оставалось холодным, почти равнодушным. Только взгляд стал внимательнее.

Мама заметила это и поспешно улыбнулась.

— Простите... Моя дочь сейчас очень расстроена, ваша светлость. Ей тяжело. Она не всегда понимает, что говорит. Мелли действительно нерасторопна. Я постоянно делаю ей замечания. Посмотрите, до какого состояния она довела несчастную девушку!

Мелли побелела, и ее губы задрожали.

Она стояла, прижимая к груди пустую вазу, и даже не пыталась оправдаться. Наверное, знала, что любое её слово делает только хуже.

— Это не Мелли довела меня до такого состояния, — сказала я, глядя на мать ледяным взглядом.

— Флорис! — воскликнула мама. — Ну что ты такое говоришь?!

— Не смей обвинять её! — процедила я.

Да, я хочу, чтобы хоть кто-то знал. Кто-то, у кого хватило духу не послушать сказки мамы про то, что мне нужен покой. Про то, что я никого не хочу видеть. Тот, кто открыл дверь комнаты и вдохнул этот запах. Запах моей новой жизни.

— Я твоя мать! — Мама выпрямилась. — И лучше тебя знаю, что происходит в моём собственном доме!

— Тогда скажи герцогу правду, — я чувствовала себя спокойно. Я уже приняла решение не есть. Я потеряла всё. Ноги, свободу, веру в людей. Мне уже нечего было терять. Даже если после его отъезда она сделает мои условия еще хуже, мне будет все равно.

Она замолчала.

Я посмотрела на мужчину возле кровати.

Он был именно таким, каким запомнился мне в тот день. Высоким, сильным, красивым, безупречно одетым, живым.

На его тёмном пальто не было ни единой пылинки. Волосы лежали аккуратно. Бирюзовые глаза смотрели холодно и настороженно.

Наверное, ещё несколько часов назад он находился во дворце. Или возле сцены, на которой Глория Вандер легко приземлялась на обе ноги и принимала из его рук роскошные цветы.

А теперь стоял в комнате, где пахло лекарством, холодным бульоном и телом, которое давно следовало вымыть.

— Мелли не меняла бельё, потому что одна не может под-

нять меня, — сказала я, чувствуя, как правда сжимает сердце в тиски. — А всякий раз, когда она пыталась попросить помощи, мама отправляла её чистить серебро, мыть окна, перебирать крупу или носить уголь.

— Это ложь! — выдохнула мама.

Глава 42

— Не всякий раз, — поправились я. — Иногда ты просто звала её, потому что тебе хотелось чаю.

— Ты больна! У тебя жар! Ты сама не понимаешь... — оправдывалась мама, пытаясь выставить себя в лучшем свете.

— Жара у меня нет, — мрачно усмехнулась я. — И бреда тоже.

— Откуда ты знаешь? Ты не лекарь! — спешно возразила мама, положив холодную ладонь на мой лоб, словно проверяя, есть ли температура или нет.

— Лекаря, который должен следить за моим здоровьем каждый день, здесь тоже нет. И не было, — усмехнулась я, смахнув ее руку с себя.

После этих слов в комнате стало тихо.

Мама приоткрыла рот.

Герцог медленно перевёл взгляд на неё.

— Мне сообщили, что мисс Моллард получает всё необходимое лечение, — произнёс он.

— Разумеется! — слишком быстро ответила мама. — Конечно, получает! Мы пригласили прекрасного доктора. Очень опытного. Он осмотрел её и сказал, что ей необходим полный покой. А покой лучше всего обеспечивать дома, рядом с семьёй.

— Доктор был здесь один раз, — сказала я. — И то, когда меня сюда привезли. Больше доктора не вызывали.

— Потому что в повторном визите не было необходимости! — продолжала оправдываться мама, понимая, что ситуация приобретает прескверный оборот.

— Он велел немедленно начать восстановление магических каналов, — равнодушно продолжала я, хотя раньше бы в такой ситуации я бы расплакалась. Но сейчас слез больше не было. Их давно впитала подушка.

Мама побледнела.

Я продолжала смотреть на герцога.

— Он сказал, что у меня есть семь, самое большее десять дней. Потом шанс будет почти потерян.

Взгляд герцога опустился к моим ногам, скрытым под одеялом.

— Сколько дней прошло? — спросил он, а мы вместе посмотрели на мои неподвижные ноги.

— Я не знаю. Здесь нет часов. И шторы часто задернуты очень плотно. Так что я не вижу, день сейчас или ночь.

Его лицо не изменилось, но в скулах проступило напряжение.

— Флорис просто не хочет понимать, — торопливо заговорила мама. — Такое лечение стоит безумных денег! А результат никто не гарантирует! Мы не могли выбросить всё состояние на призрачную надежду!

— У нас были деньги, — сказала я.

Я не знаю, что я чувствовала. Торжество? Нет. Скорее я чувствовала, словно в руках сжимаю не одеяло, а истину. И эта мысль поддерживала меня.

“Смотри, смотри внимательно! Во что превратили мою жизнь!” — мысленно шептала я, надеясь, что герцог не станет молчать. Он расскажет правду. И тогда матери придется за мной ухаживать как следует.

Мама резко повернула голову.

— Не начинай, прошу тебя.

Глава 43

— Почему? Его светлость должен знать, что компенсацию действительно выплатили. Сто пятьдесят тысяч золотых, — скрипнула зубами я.

Герцог прищурился.

— И где они?

— Флорис! — взвизгнула мать.

— Сто двадцать пять тысяч мама отдала моей сестре. Остальное потратила на долги. И ни золотого на лечение, — спокойно говорила я.

И только сейчас я разгадала секрет собственного спокойствия. Я знала, что уйду. Скоро. И моим последним желанием было сказать правду. Я хотела, чтобы о ней знали. Чтобы перестали верить в газетные строчки и красивые сказки о заботе и любви.

— На долги семьи! — выкрикнула мама. — На наш дом! На наше имя! На детей твоей родной сестры, которые могли оказаться на улице!

— А я могла снова ходить, — сглотнула я, чувствуя, как боль обиды сжимает мне горло.

— Никто не обещал, что ты встанешь!

Мамин голос сорвался на визг.

Она тяжело дышала, сжимая пальцами край занавески.

— Я приняла единственно возможное решение! — про-

должила она, обращаясь уже не ко мне, а к герцогу. — У моей старшей дочери трое детей. Трое! А Флорис... Флорис всё равно теперь...

Она осеклась.

— Теперь что? — спросил герцог.

Мама несколько раз моргнула.

— Ей нужно привыкать к новой жизни, — прошептала она, пытаясь поправить одеяло.

— Лёжа в грязной постели без врача? — спросил герцог, а я усмехнулась. Усмешка получилась кривой.

— Я не виновата, что прислуга не справляется! — мягко ответила мама, разглаживая мое одеяло так, словно она целыми днями проявляла заботу обо мне.

— Мелли справляется, — сказала я. — Насколько может справляться одна девушка, которой нарочно не дают находиться рядом со мной.

— Нарочно? — Герцог посмотрел на маму.

Она нервно рассмеялась.

— Ну что вы! Разумеется, нет! Флорис всё воспринимает слишком остро. Больные люди бывают капризными. Ей кажется, что весь мир настроен против неё.

— Мне так не кажется, — помотала я головой.

Я почувствовала, как губы дрогнули в улыбке. Получилось, наверное, жалко и страшно.

— Я точно знаю, — добавила я, глядя в глаза герцогу.

Мама сделала шаг к кровати.

— Флорис, замолчи.

— Зачем? Чтобы его светлость продолжал думать, что я окружена любовью и заботой? Чтобы поверил статье, которую ты продиктовала газетчикам? Ты ведь так и не пустила их сюда. Ну еще бы! Вы прекрасно могли пить чай в гостиной, где не пахнет немывтым телом. Интересно, что бы они написали, если бы увидели правду?

Герцог резко повернул голову к ней.

— Вы разговаривали с газетами?

Глава 44

— Они сами приехали! — всплеснула руками мама. — Я должна была защитить нашу семью от сплетен! Я всего лишь сообщила, что моя дочь находится дома и ни в чём не нуждается.

— Я нуждалась в лечении! — сорвалась я.

— Ты нуждалась в покое! — отозвалась мама.

— Я нуждалась в воде! — сглотнула я.

Мама замолчала.

Я посмотрела на полный стакан, который стоял рядом с моей рукой.

— Теперь вода здесь. Потому что Мелли догадалась переставить столик. Но я стараюсь не пить, — произнесла я.

Герцог медленно посмотрел на мои губы.

— Почему?

Я отвела глаза.

Говорить об этом было стыднее, чем лежать перед ним в грязной сорочке.

— Потому что потом мне понадобится помощь. Придется менять простыню. К сожалению, я сама не могу этого сделать. И мне приходится часами лежать и ждать, когда придет Мелли.

Он все понял.

Я увидела это по тому, как изменилось его лицо.

Не смягчилось. Нет. Но что-то тяжёлое, мрачное появилось в его взгляде.

— А Мелли одна не может меня поднять, — продолжила я. — А мама считает, что горничная нужна всему дому, а не только мне. Поэтому проще не пить. Не есть. Не просить. Чем меньше я создаю неудобств, тем всем спокойнее. Знаете, я жалею только об одном. О том, что я не умерла тогда. Вот об этом я искренне жалею.

— Прекрати немедленно! — потребовала мама. — Ты намеренно выставляешь меня чудовищем!

— Мне ничего не приходится выставлять, — опустила я глаза на свои дрожащие руки, собранные в нервный замок.

Она отшатнулась, будто я её ударила.

— Мелли, выйди! — закричала мама. — Немедленно выйди и принеси цветы!

Мелли вздрогнула и направилась к двери.

— Останься, — сказала я.

Она остановилась.

— Я приказала ей выйти! — приказала мама, указывая на дверь.

— А я прошу остаться.

Мама рассмеялась.

— И что с того? Она моя служанка!

— Она единственный человек в этом доме, который не хотел, чтобы я умерла.

Тишина стала густой, тяжёлой.

Я снова посмотрела на герцога.

— Мама просто ждёт, когда это случится. Чем быстрее я умру, тем лучше будет для всех. Не понадобится лечение. Не понадобится уход. Не придётся объяснять, куда исчезли деньги. И главное — больше никто не станет спрашивать, что делать с девушкой, которую всё равно никто не возьмёт замуж.

Мама ахнула.

— Как ты смеешь!

— Это твои слова. Не мои, — прошептала я.

— Я... я никогда такого не говорила! Ты сочиняешь на ходу! — вспылила мама.

— Ты сказала, что жена, которая не может ходить, станет обузой для любого мужчины.

На последних словах мой голос дрогнул.

Герцог едва заметно изменился в лице. Возможно, вспомнил то же, что и я.

Разрушенную арку. Мою кровь на белом камне. Свой холодный голос:

«Сразу предупрежу, миледи: таким способом замуж не выходят».

Он несколько секунд молчал, а потом выпрямился.

— Оставьте нас, — произнёс он.

Глава 45

Мама растерянно моргнула.

— Что?

— Я сказал: оставьте нас, — повторил герцог с нажимом.

— Но... ваша светлость, Флорис нездорова. Она может наговорить вам... — затараторила мама.

Она метнула взгляд на герцога, потом на дверь, словно искала способ прекратить этот разговор.

— Мелли останется, — кивнул герцог в сторону горничной, а та испуганно вжала голову в плечи.

— Мелли?

— Мисс Моллард, очевидно, доверяет ей больше, чем собственной матери.

Мама побагровела.

— Я не могу позволить... Тем более, что они давно сговорились. Они очень дружат. И сейчас будут поливать меня грязью! Я не могу этого допустить! — мама сделала шаг вперед.

Герцог посмотрел на неё.

Одного взгляда оказалось достаточно, чтобы мама поджала губы и направилась к двери. Но у самого порога остановилась.

— Я буду рядом, — сказала она мне. — Если понадобится, дорогая...

Я не ответила.

Мама вышла, но дверь прикрыла не до конца. Между полотном и косяком осталась узкая щель. Герцог посмотрел на неё.

— Закройте дверь. Плотно, — велел он.

Снаружи послышался торопливый шорох. Дверь закрылась.

Я осталась лежать перед человеком, которому когда-то попыталась спасти жизнь.

Мелли стояла у стены, опустив голову. Пустая ваза всё ещё была прижата к её груди.

Герцог подошёл ближе.

— Мисс Моллард.

Я промолчала, глядя на свои руки. На свои бледные переплетенные пальцы. Так они хоть не дрожали.

— Сегодня утром я был приглашён на личную аудиенцию к его величеству.

Я ничего не сказала. Не сказала, что читала об этом в газете. Мне было все равно, куда его там пригласили.

Сердце билось медленно и тяжело. Слова доходили до меня словно через воду.

— Король выразил обеспокоенность тем, как произошедшее воспринимает общество, — продолжил герцог. — Ваш поступок вызвал слишком много сочувствия. Моё отсутствие — слишком много вопросов.

Я смотрела на него.

Теперь всё стало понятно.

Газеты.

Та самая статья о долге дракона с упоминанием королевской аудиенции.

Он приехал не потому, что узнал о моём состоянии. Не потому, что вспомнил обо мне. Не потому, что решил хотя бы спросить, остался ли у меня шанс однажды снова встать на свои ноги.

Его прислал король.

— Его величество считает, что человек моего положения должен принять личное участие в вашей дальнейшей судьбе, — произнёс герцог. — И что самым достойным завершением этой истории станет...

Герцог сделал паузу, словно следующее слово давалось ему с огромным трудом.

— ...брак.

Мне показалось, что я ослышалась. Что он сказал? Брак? Свадьба?

— Что? — прошептала я пересохшими губами.

Глава 46

Герцог нахмурился так, что мне стало не по себе. А потом произнес:

— Король хочет, чтобы я женился на вас.

В коридоре что-то глухо ударилось о стену. Кажется, мама всё ещё стояла под дверью и едва не упала.

Я смотрела на герцога, не в силах произнести ни слова.

Он не шутил.

На его лице не было ни тени улыбки. Только холодное раздражение человека, которого вынудили приехать туда, куда он не собирался.

— Но вы сказали... — прошептала я, пытаюсь унять волнение.

— Что именно? — В голосе герцога послышалась резкая нота.

Я снова услышала его голос там, под аркой. Он появился в моих воспоминаниях вместе с гулом толпы, с криками и вспышками камер.

«Я не собираюсь жениться на женщине исключительно потому, что она совершила у меня на глазах подобную глупость».

— Вы сами тогда сказали, что таким способом замуж не выходят.

Его глаза сузились. О, как же он меня недолюбливал сей-

час. Я видела, что он едва сдерживается, чтобы развернуться и уйти отсюда. В его взгляде появилось что-то новое. Тяжёлое, мрачное. Но он почти сразу спрятал это за привычным холодом.

— Как выяснилось, я недооценил влияние общественного мнения, — произнес герцог, и его челюсть напряглась. Глаза тут же превратились в равнодушные, холодные, ничего не выражающие.

Дверь резко распахнулась.

Мама ворвалась в комнату, прижимая обе ладони к груди.

— Свадьба?! — выдохнула она, задыхаясь от счастья. Мне казалось, что ее сейчас удар хватит. — Его величество желает свадьбу?

Её лицо сияло.

Она будто забыла обо всём, что говорилось здесь несколько минут назад. О грязном белье. О пропавших деньгах. О моём лечении.

Герцог бросил на неё тяжёлый взгляд, но на этот раз не приказал выйти.

— О боги... Флорис! Ты слышала? Герцог! Настоящий герцог! Я знала... Я знала! Я знала, что всё ещё может закончиться хорошо! О, я так рада! — Едва ли не плакала она от счастья.

Потом, словно опомнившись, она метнулась к кровати, начала поправлять одеяло, разглаживать простыню, убирать со столика нетронутую тарелку.

— Мелли, чего ты стоишь? Цветы! Немедленно принеси цветы. И найди чистую сорочку. Нет, сначала подогрей воду. Флорис нужно умыть. Волосы... Господи, что у неё с волосами? Их нужно расчесать! Ваша светлость, не обращайтесь внимания, она обычно выглядит совершенно иначе!

— Не надо, — сказала я, вырвав прядь грязных волос из ее рук.

Мама не остановилась.

— И окно открой! Здесь душно. Нет, закрой, её продует. Мелли, почему ты всё ещё здесь?!

— Не надо изображать заботу, — резко, почти крича, повторила я.

Мамины пальцы замерли на краю одеяла.

— Что?

— Герцог уже всё увидел.

— Флорис, сейчас не время для твоих обид!

— А когда будет время? После свадьбы? Когда ты расскажешь всем, что именно твоя любовь привела меня к герцогскому алтарю? — Усмехнулась я, чувствуя, как внутри все переворачивается от одной мысли о свадьбе.

Она побледнела.

— Я пытаюсь тебе помочь!

— Ты пытаешься понравиться ему.

— Это одно и то же!

— Нет.

Герцог наблюдал за нами молча.

Возможно, именно мамина радость окончательно убедила его в том, во что он хотел верить с самого начала. Что всё было рассчитано заранее. Что я бросилась под арку ради него. Что семья использовала газеты, чтобы надавить на него.

Что теперь мы получили желаемое.

Он посмотрел на меня сверху вниз с тем самым презрением, которое я уже однажды видела в его глазах.

— Что ж, мисс Моллард, — произнёс он. — Полагаю, вы добились того, чего хотели.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Чего именно?

— Получили в своё распоряжение целого герцога, — вздохнул он, все еще сверля меня взглядом.

Мама нервно засмеялась.

— Ваша светлость, ну что вы... Флорис и мечтать не могла о подобном счастье!

— Замолчи, мама! Рот закрой! — прорычала я, глядя на ее неуместную радость и суету.

Она задохнулась от возмущения.

Герцог не сводил с меня глаз. Наверное, ждал слёз. Благодарности. Восторга. Или хотя бы вздоха облегчения. Не дождется!

Он приехал выполнить волю короля. Я должна была принять его жертву и назвать её счастьем. Он ждет, когда я скажу ему «да».

Герцог расправил плечи.

— Итак, мисс Флорис Моллард, — официально и отстраненно произнёс он. — Согласны ли вы стать моей законной супругой?

Мама вцепилась пальцами в спинку кровати.

Мелли перестала дышать. Ее глаза расширились так сильно, что казалось, еще немного и закроют все лицо.

Я смотрела в бирюзовые глаза человека, который не просил меня его спасти.

Человека, которого теперь заставляли расплачиваться за мой поступок собственной жизнью.

Человека, уверенного, что я именно этого и добивалась.

— Нет, — твердо сказала я.

Одно короткое слово упало в душный воздух комнаты и осталось лежать на полу, среди пыли.

Мама втянула воздух так резко, что я услышала, как закрипели корсетные косточки под её платьем. Мелли прижала к груди пустую вазу — зачем, она и сама, наверное, не знала. Просто нужно было что-то держать, чтобы руки не дрожали слишком заметно.

Герцог не пошевелился.

Он стоял у изножья кровати и смотрел на меня. Не моргая. Не меняя выражения лица. Просто смотрел — долго, безжалостно, как человек, который привык, что мир устроивается вокруг его ожиданий, а не наоборот.

Мне стало трудно выдерживать этот взгляд. Кожа на лице начала гореть, пальцы сами потянулись к краю одеяла, что-

бы натянуть его выше, спрятаться, исчезнуть. Но я заставила себя не двигаться.

Презрение, которое еще секунду назад холодило его черты, отступило. На его месте проступило нечто куда более опасное — хищное, расчетливое недоверие. Драконы не любили, когда нарушали правила их мира. А в его мире сло-манные девушки не отказывали герцогам.

— Прошу прощения? — наконец произнес он. Голос был тихим, но от его низких вибраций заныли сращенные лека-рем позвонки.

Наверное, решил, что ослышался. Или что я выжидаю.

— Я не согласна стать вашей женой, — повторила я, ста-раясь, чтобы голос не дрожал. Каждое слово давалось с тру-дом: горло пересохло от обезвоживания, а язык казался шер-шавым, как наждак.

Глава 47

Мама пошатнулась. Её рука в нелепой кружевной перчатке судорожно вцепилась в спинку моей кровати так сильно, что, казалось, она ее сломает.

— Флорис!

Мелли вдруг сорвалась с места. Ваза с глухим стуком поехала по полу, пока горничная падала на колени у моего изголовья.

— Госпожа, подумайте! — она схватила мою ладонь. Кожа Мелли была горячей, мозолистой, пахнувшей щелоком и кухонным жиром. — Пожалуйста, не отвечайте сразу. Вы устали. Вам больно. Вы можете не понимать...

— Я всё понимаю, Мелли.

— Нет, не всё! — отчаянный шёпот горничной срывался на плач. — Его светлость богат. У него есть врачи. Лучшие целители королевства! Кристаллы, зелья... Он сможет поставить вас на ноги!

Я почувствовала, как вздрогнули пальцы правой руки. Всего один раз. Еле заметный спазм. Но герцог заметил. Его взгляд, тяжелый и немигающий, скользнул к моему кулаку, вцепившемуся в край скомканного одеяла, а потом медленно пополз вверх, к моему лицу.

— Мелли, — выдохнула я, пытаюсь высвободить руку.

— Подумайте, прошу вас! — слезы капали с её подбородка.

ка на мою простыню, оставляя темные пятна рядом с теми, что я оставила сама, когда не могла дотерпеть до её прихода. — Хотя бы до утра. Не отказывайтесь сейчас. Не отталкивайте единственного человека в этом городе, которому вы небезразличны настолько, чтобы он приехал!

— Мелли права! — мгновенно, с пугающей жадностью подхватила мама. Её лицо, еще мгновение назад серое от ужаса, залило болезненным румянцем. — Разумеется, ты просто потрясена! У тебя шок! Ты не понимаешь, какое счастье свалилось на нашу семью!

Герцог поморщился. Едва заметно, но я увидела, как дрогнул желвак на его скуле. Ему был противен этот звук. Этот визгливый восторг женщины, которая только что продавала меня оптом и в розницу.

— Если это торг, мисс Моллард, — холодно произнёс он, и температура в комнате, казалось, упала еще на несколько градусов, — назовите свои условия прямо. Я не расположен участвовать в балагане.

— Торг? — переспросила я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — То есть, вы просто считаете, что я... торгуюсь? Я? Торгуюсь?

Мне захотелось залепить ему пощечину за такие слова. Но я сжала руку в кулаке так сильно, что почувствовала боль.

— Вы отказываетесь, чтобы я начал уговаривать? Пообещал больше золота? Отдельное поместье? Пожизненное содержание вашего... семейства? — последнее слово он вы-

плюнул с едва скрытым омерзением, окинув мать мимолетным, но уничтожающим взглядом.

Мама открыла рот, жадно ловя воздух. Кажется, фраза про содержание заставила её зрачки расшириться. Я видела, как шевельнулись её губы, беззвучно повторяя: «содержание семьи». Как взвешивала эти два слова, примеряла на себя, словно новое платье.

— Нет, — ответила я, глядя в бирюзовую бездну его глаз.
— У меня нет условий. Это просто... нет. Без условий.

Его темные брови сошлись на переносице, отбрасывая жесткую тень на скулы.

— Тогда в чём причина отказа?

Мне стало трудно дышать. Воздух в комнате был спертый, пропитанный запахом моего немытого тела, скисшего бульона и маминых тяжелых, сладких духов, которые не могли заглушить вонь болезни.

Глава 48

Рёбра сжимались, не давая лёгким расправиться до конца. Но хуже было другое: ощущение, что сейчас я скажу вслух то, что болело во мне с самого первого дня, с той самой арки, с того самого мгновения, когда я упала на камни и поняла, что спасла не того человека.

Я смотрела на него. На высокие скулы, на прямой нос, на губы, которые были сложены в строгую линию. Вспоминала газетный снимок. Глория Вандер в золотом платье. Распахнутые руки. Сильные, живые ноги. Прыжок — лёгкий, беззаботный.

И герцог рядом. Молодой. Красивый. Свободный.

А потом он будет возвращаться домой. Ко мне. К женщине, которую нужно переворачивать, чтобы не образовались пролежни.

— Я не хочу быть вашим наказанием, — сказала я.

Он замер. Воздух вокруг него словно уплотнился.

— Моим наказанием?

Лицо герцога превратилось в непроницаемую маску из мрамора и льда.

— Вся столица знает о вашей личной жизни. Газеты пишут, что вы увлечены леди Глорией Вандер. Возможно, вы собирались сделать ей предложение.

Он замер. Совсем немного — но я уже научилась замечать

такие вещи.

— Газеты много чего пишут.

— Но цветы вы ей действительно посылали. Голубые орхидеи, — вздохнула я.

— Не припомню, чтобы я был обязан отчитываться перед вами о своих расходах, — в его голосе прорезался металл.

В его тоне не было агрессии. Только сухая, вежливая стена, за которой он прятался от любого, кто подходил слишком близко.

— Не обязаны. Именно поэтому я и отказываюсь.

— Не вижу логической связи.

— Я не хочу мешать вам жить той жизнью, которую вы выбрали. Не хочу становиться женщиной, на которой вам пришлось жениться из-за короля, газет и чужого возмущения. — Я сглотнула. Горло пересохло, слова царапали слизистую. — Вы не просили меня вас спасти. Я не просила вас расплачиваться за мой поступок собственной жизнью.

В комнате повисла тишина. Такая плотная, что я слышала собственное дыхание — неровное, хриплое, позорное.

Герцог смотрел на меня, сузив глаза, словно пытался разглядеть под слоем моей бледности и грязи скрытый расчет.

— Я спасала вашу жизнь, — продолжила я, сглатывая вязкую слюну, — а не пыталась получить её в своё распоряжение.

На его скулах снова заходили желваки.

— Благородно, — бросил он. Его тон показался мне еще

более оскорбительным.

Я не могла определить, верит он мне или нет. Скорее — нет. В его голосе звучала та самая насмешка, с какой люди реагируют на чужую искренность, если давно перестали верить в свою собственную.

— Это не благородство.

— А что же?

— Здравый смысл. — Я посмотрела вниз, на одеяло, под которым угадывались неподвижные контуры моих ног. Каждое слово отдавалось эхом в пустоте ниже пояса. — Я не смогу стать вам полноценной женой. Возможно, никогда не смогу ходить. Вам придётся возить меня в кресле, поднимать, ждать, пока кто-нибудь поможет мне одеться. Вы будете смотреть на женщину, которая умеет танцевать, а потом возвращаться домой к той, которая не способна самостоятельно добраться до двери.

Мелли тихо, жалобно всхлипнула, пряча лицо в складках моего одеяла.

Герцог не отвёл взгляда. В его глазах плескалась древняя, холодная тоска существа, которое видело слишком много человеческой слабости.

— И вы предпочитаете остаться здесь? В этой... конуре?

Глава 49

Я медленно обвела взглядом комнату. Мокрое пятно на простыне. Остывший жир в тарелке. Отклеивающиеся обои, под которыми гнездилась плесень.

— Я предпочитаю не разрушать ещё одну жизнь.

— Флорис, прекрати нести эту чушь! — не выдержала мама, и её голос ударил по ушам, как звенящая сковорода. — Какую жизнь ты ему разрушишь? Он герцог Эдельгейм! У него три поместья, дворец, сотни слуг! Он даже не заметит твоего присутствия!

От этих слов стало особенно холодно. Холод шёл не от окна, не от сквозняка, а изнутри — из того места, где ещё недавно теплилась надежда на то, что мать способна сказать хоть одно слово в мою защиту.

Герцог медленно перевёл взгляд на маму. Его лицо осталось спокойным, но в глазах появилось выражение человека, который только что нашёл подтверждение чему-то неприятному, о чём и так подозревал.

— Убедительно, мадам, — произнёс он тихо.

Мама не уловила яда.

— Разумеется! Я лишь хочу сказать, что моя дочь никогда не станет вам докучать. Она тихая. Невидная... то есть, скромная! Её можно разместить так далеко от ваших покоев, насколько вы пожелаете...

— Мама.

— Что?

— Замолчи. Или выйди.

Она задохнулась, хлопая ресницами, словно я дала ей пощечину.

Герцог снова посмотрел на меня. В его глазах не было ни сочувствия, ни жалости. Только холодное, расчётливое внимание.

— Это ваш окончательный ответ, мисс Моллард?

Мелли вцепилась в мою руку. Её пальцы были горячими, мокрыми от слёз, которые она вытирала прямо о моё запястье.

— Госпожа, пожалуйста...

Я видела в её глазах животный ужас. Для неё мой отказ был не актом гордости, а самоубийством. Она знала, что будет со мной, когда в доме кончатся капли обезболивающего.

Возможно, она была права.

Но я не могла сказать «да». Не после его презрительного «дура» под обломками камня. Не после того, как вся столица решила распорядиться чужой жизнью в качестве платы за чужую кровь.

— Да, — ответила я, глядя в его нечеловеческие глаза. — Окончательный.

Несколько секунд он продолжал сверлить меня взглядом. А потом коротко, сухо кивнул. Никакой театральности. Только холодная фиксация факта.

— В таком случае прошу простить за вторжение.

Он развернулся. От его пальто пахло ночной свежестью и дорогой кожей.

Мама с визгом бросилась за ним, едва не споткнувшись о вазу.

— Ваша светлость! Подождите! У неё лихорадка! Завтра она непременно одумается! Я сама с ней поговорю, я вразумлю...

Тяжёлые, мерные шаги удалялись по коридору. Доски пола стонали под его весом. Потом внизу хлопнула дубовая дверь, и вибрация прошла через стены, отдаваясь тупой болью в моем позвоночнике.

Мама замерла возле двери, словно вспомнив о гордости.

Несколько секунд она стояла ко мне спиной, уставившись в пустой дверной проём, словно ожидая, что он вернётся, поймёт свою ошибку и начнёт умолять о моём согласии.

Тишина затягивалась.

Она медленно обернулась. Я никогда не видела её такой. Румянец сошёл, оставив землисто-серый оттенок. Губы кривились.

— Что ты наделала? — выдохнула она.

Я молчала, экономя силы.

— Что ты наделала?! — закричала мама, и звук ударился о низкий потолок. — Он был здесь! В этой вонючей комнате! Он сам предложил тебе корону Эдельгейма! А ты сказала ему «нет»!

— Ты слышала мой ответ. И я о нём не жалею.

— Слышала? Я слышала, как ты вытерла ноги о единственную милость богов! — она шагнула к кровати, нависая надо мной. — Ты понимаешь, кем могла стать? Женой дракона! Носить сапфиры размером с перепелиное яйцо! Тебе бы целовали шлейф!

— Я больше не смогу носить шлейфы. Боюсь, что я не смогу выйти из комнаты. А лежать в кровати со шлейфом... По-моему, это глупо.

— Да какая разница?!

Глава 50

Я посмотрела на неё. Прямо в глаза. И в них не увидела ничего — ни вины, ни осознания, ни даже простого замешательства. Только ярость. Ярость женщины, у которой из рук вырвали выигрышный лотерейный билет.

Она осеклась. На секунду в её глазах мелькнул страх перед моим спокойствием. Но тут же захлестнула злоба.

— Другая на твоём месте прыгала бы от счастья!

— Я бы тоже с удовольствием попрыгала, — ответила я, глядя на свои ноги. — Если бы могла.

Мелли закрыла рот ладонью.

Мама покраснела. Краска пошла от шеи вверх, залила щёки, добралась до висков.

— Не смей издеваться!

— Я не издеваюсь. Ты предложила.

— Дура! — выдохнула она, и слово это прозвучало не как оскорбление, а как диагноз. — Неблагодарная, безмозглая дура! Ты знаешь, сколько девушек отдали бы руки и ноги, чтобы оказаться на твоём месте?

Мелли подавила всхлип.

Мама побагровела.

— Я родила тебя! Я выкормила! А ты... неблагодарная, безмозглая калека!

Тишина, наступившая после её крика, была оглушитель-

ной.

Мама поняла, что сказала. Я увидела это по тому, как дрогнул её подбородок, как она втянула голову в плечи, ожидая удара.

Но ударять было нечем. И некого.

— Я уже отдала всё на свете, — тихо произнесла я, чувствуя, как внутри выгорает последняя нить, связывающая меня с семьей. — А герцогиней становиться всё равно не хочу. Уходи, мама. Занимайся своими делами. У тебя их полно. Иди, командуй слугами, как ты это обычно делаешь, чтобы не заходить в эту комнату лишний раз.

— Да почему?! — она схватила за волосы, едва не выдрав шпильки из тугого узла. — Почему ты не можешь хотя бы раз в жизни поступить как нормальный человек?!

— Я поступаю. Я думаю о нём.

— О нём?! — Мама издала звук, похожий на лай. — Ты жалеешь его? Дракона?! Мужчину, который одной рукой крошит гранит? Себя пожалей, убогая!

— Я не хочу портить ему жизнь собой.

— Ты слишком много о себе думаешь! С чего ты решила, что способна испортить ему жизнь?

— Потому что я не способна на полноценную семейную жизнь. Я не могу ходить. Не могу сама сесть. Не знаю, смогу ли когда-нибудь родить ребёнка. Зачем мне становиться для кого-то обузой?

Мама дёрнулась. Всё тело её напряглось, как тетива.

— Для меня же ты стала обузой.

Слова повисли в воздухе, грязные, липкие, окончательные.

Мелли тихо ахнула, отодвигаясь от кровати.

— Вот, значит, как, — выдохнула я. Странно, но боли не было. Только абсолютный, звенящий холод. — Спасибо за честность.

Глава 51

— Я... Я не это имела в виду... — мама попятилась, натываясь бедром на столик.

— Значит, обуза. Я запомню. Подожди немного, мама. Скоро всё закончится.

— Что закончится? — в её голосе прорезалась паника. Не обо мне.

— Всё.

Мелли бросилась ко мне, едва не опрокинув стул.

— Не говорите так! Госпожа, умоляю! — она упала на колени, прижимаясь щекой к моей руке. — Он ещё на улице! Я слышу лошадей. Карета не уехала. Кучер ждет!

Я медленно повернула голову. От этого движения в шее что-то противно хрустнуло.

— Откуда ты знаешь?

— Окно! — Мелли вскочила, бросилась к подоконнику, раздирая тяжелую портьеру. — Вот! Он стоит у подножки. Разговаривает с лакеем. Я могу сбежать вниз! Могу позвать его! Вернуть!

— Незачем.

— Как незачем? — она обернулась, и по её грязным от золы щекам текли дорожки слез. — У него власть. Лучшие лекари! Кто, если не он, вернет вам ноги?!

Надежда. Проклятая, живучая тварь. Она зашевелилась

где-то под ребрами, царапая когтями легкие.

Магистр Вейрен. Кристаллы. Магические каналы, которые угасают с каждым часом. Возможность однажды встать. Почувствовать холод паркета. Сделать шаг. Хотя бы один, жалкий, неуверенный шаг.

Я посмотрела на свои руки. Бледные, с синими прожилками вен. Они дрожали.

— Я не хочу просить у него милостыню.

— Не милостыню! — зашипела Мелли, возвращаясь к кровати. — Жизнь! Вы же не требуете его любви! Вы просите жизнь! А это другое!

— А он подумает, что я сломалась. Что гордости хватило ровно до момента, пока не запахло смертью.

— Пусть думает что угодно! — Мелли стиснула мою ладонь так сильно, что стало больно. — Какая вам разница, что подумает дракон, если завтра вы сможете пошевелить пальцами ног?! Он самый богатый человек королевства! Госпожа, он закрывает дверцу! Он уезжает!

Я закрыла глаза. Огромная разница. Я уже видела его презрение. Слышала, как он обвинял меня в расчёте. А теперь мне предстояло догнать его карету и попросить о помощи.

«Простите, ваша светлость. Я передумала. Всё-таки купите меня вместе с моими сломанными ногами».

— Он садится! — вскрикнула Мелли. — Госпожа, сейчас уедет!

Я молчала. В ушах шумело. Кровь пульсировала в висках,

отдаваясь тупой болью в основании черепа.

— Скажите хоть что-нибудь!

— Что я должна сказать?

— Что согласны!

— Нет.

Лицо Мелли вытянулось. Губы раскрылись, но звука не последовало.

— Тогда что?

Я посмотрела в окно. С кровати не было видно ничего, кроме серого неба и верхушек голых ветвей, качающихся на ветру.

— Скажи, что я готова продолжить разговор.

Мелли замерла.

— Только разговор?

— Только разговор. Не говори, что я согласна.

— Хорошо!

Она вихрем вылетела из комнаты. Ее топот по лестнице звучал как дробь барабана перед боем.

Мама, все это время стоявшая у стены, сделала неуверенный шаг вперед.

— Ты совсем сошла с ума? Он предлагает тебе брак, а ты собираешься выпрашивать врача?

— Я не выпрашиваю.

— Именно это ты и делаешь! Сначала оскорбила его отказом, теперь решила догнать и попросить денег!

— Не денег. Я попрошу оплатить врача напрямую, — рез-

ко заявила я.

Мама схватила со столика стакан. Пальцы сомкнулись на тонком стекле, побелели.

— Ты неисправима!

— Не отдавать деньги тебе кажется особенно важным условием! — выпалила я.

Договорить я не успела.

Глава 52

Я увидела, как в меня летит стакан с водой. Я инстинктивно дернула головой, и в спину вонзилась раскаленная игла боли.

А потом вскинула руку, хотя прекрасно понимала, что не успею закрыться.

Стакан, который прицельно летел в меня, вдруг дёрнулся в воздухе.

На одно короткое мгновение он будто наткнулся на невидимую преграду, изменил направление и резко ударил о стену рядом со мной.

Я уставилась на него, не понимая, что произошло.

Возможно, мама просто промахнулась. Возможно, от боли мне показалось, что стакан изменил направление.

В памяти тихо звякнул тёмный флакон. А следом возникло бледное лицо Мелли и её ладонь, показывающая узкий просвет между моим телом и кроватью.

Это уже происходило. Дважды.

Нет. Это невозможно.

Вода плеснула на обои, стекая мутными ручьями по отслаивающейся штукатурке. Осколки градом посыпались на пол и на подушку.

Я открыла глаза. Мама стояла с вытянутой рукой, тяжело дыша, её грудь вздымалась под шелком.

В дверях, которые Мелли оставила приоткрытыми, убегающая, стояли горничная и герцог. Мелли прижала ладонь к губам и запоздало пискнула.

Я смотрела на мужчину в проёме. Воздух вокруг него дрожал от едва сдерживаемой, первобытной ярости.

Его бирюзовые глаза скользнули по мокрому пятну на стене. По осколкам. По дрожащей руке моей матери.

Его взгляд задержался на моей всё ещё поднятой руке. Потом — на осколках у стены. Всего на мгновение. Но я это заметила.

— Полагаю, — произнёс он голосом, от которого вибрировали стёкла, — это и есть та самая образцовая семейная забота, о которой мадам Моллард трубила в утренних газетах?

Мама медленно, по миллиметру опустила руку. Её колени дрожали.

— Ваша светлость... Это нелепая случайность. Стакан был мокрым. Выскользнул...

— Разумеется. Прицельно. В дочь. Да, именно так ведут себя мокрые стаканы.

Он вошёл в комнату, заняв собой всё пространство, вытесняя кислород.

Мама попятилась, наталкиваясь на столик. Её лицо приняло выражение, которое я видела много раз за свою жизнь — выражение человека, который собирается соврать и уже знает, что ему не поверят.

— Флорис иногда выводит меня из себя. Вы же понимаете, больные люди бывают такими капризными... Я бы даже сказала, невыносимыми!

— Вон.

— Но... Ваша светлость, это мой...

— Вон из комнаты, мадам, — он даже не повысил голос. Он просто вложил в слово вес. — Или я прикажу своей охране выставить вас на улицу. Вместе с мебелью.

Мама побелела так, что её лицо слилось с кружевным воротником. Она открыла рот, закрыла и, поджав губы, шмыгнула в коридор.

Герцог проводил её взглядом, полным такой глубокой безразличности, что мне на секунду стало её жаль. Но только на секунду.

Глава 53

Он повернулся ко мне. Медленно стянул с правой руки кожаную перчатку. Палец за пальцем. Под перчаткой его кожа казалась неестественно бледной, но я помнила, как она покрывалась непробиваемой чешуей. Потом стянул с левой. Обе дорогие перчатки он положил на подлокотник кресла.

Обычно перчатки снимались в знак особого расположения. И далеко не с каждым собеседником. Но я не купилась на этот демонстративный жест.

Дракон в человеческой шкуре, вынужденный иметь дело с человеческой грязью.

Он подошел к старому, потертому креслу, в котором когда-то сидел мой отец, и опустился в него. Сел вальяжно, закинув ногу на ногу, словно это был тронный зал, а не комната умирающей девушки.

— Мелли передала, что вы желаете торговаться, — произнес он, рассматривая меня. — Должен признать, мисс Моллард, вы обладаете поразительным чутьем. Я почти поверил в ваше бескорыстие. Ровно до того момента, пока ваша служанка не стала барабанить в дверь моей кареты. Итак, давайте торговаться!

Мне стало жарко. Кровь прилила к щекам, обжигая кожу. От стыда. От унижительного понимания, что именно так это и выглядит. Гордая героиня, которая сломалась ровно в тот

момент, когда поняла, что бесплатно её лечить никто не будет.

— Называйте как хотите, ваша светлость. Я сказала, что хотела бы продолжить наш разговор.

Он откинулся на спинку, закинув руку на подлокотник.

— И какова же цена вашего «нет», которое внезапно превратилось в «может быть»?

Я сцепила пальцы на животе, пряча дрожь.

— Мое тело.

Воздух в комнате сгустился. Его зрачки на долю секунды сузились, превращаясь в вертикальные щели. Он не понял. Или понял по-своему.

— Поясните.

— Возможность им владеть, — выдохнула я, глядя ему прямо в глаза. — Мне нужен магистр Вейрен. Или тот, кого он посоветует. Кристаллы. Зелья для восстановления каналов. Всё, что потребуется, чтобы я встала на ноги.

Он смотрел на меня, не моргая.

— И это всё?

— Всё.

— Ни золота на счетах? Ни вдовьей доли в случае моей... внезапной кончины? Ни особняка для вашей очаровательной матушки? Она у вас просто прелесть. Такие люди прекрасны только в том случае, когда превращаются в холодное мраморное надгробие. Ладно, мы немного отвлеклись от темы.

Он усмехнулся, а я почувствовала ту самую нотку черного обаяния, перед которой сложно устоять женщине.

Уголок его жесткого рта дрогнул. Это не было улыбкой. Скорее, тенью уважения хищника к другому хищнику, пусть и лишенному клыков.

— Мне не нужны ваши бриллианты, ваша светлость. Мне нужны ноги. Оплатите врача напрямую. Я буду молиться на ваш портрет. Не каждый день, но через день точно. Газеты получают свою сказку о благородном драконе и бедной девушке. Все будут счастливы.

Он молчал. Слушал, как за окном шумит дождь, смывая пыль с кареты, в которую он так и не сел.

— Ваше лечение будет оплачено в любом случае, — произнес он наконец. Тихо. Буднично.

Мир качнулся. Кровать ушла из-под спины.

— После увиденного, — он кивнул в сторону мокрого пятна на стене, — я не собираюсь давать вашей матери даже подержать в руках мешочек с золотом.

— Что?

— Скоро здесь будет магистр Вейрен. Я отправил за ним гонцов час назад, еще до того, как вошел в этот дом. После разговора с его величеством я распорядился найти магистра Вейрена. Я предполагал, что вам потребуется лечение. Правда, не предполагал, что оно до сих пор не начато.

Надежда вспыхнула в груди ослепительной, болезненной вспышкой. Я закрыла глаза. На одно короткое мгновение я

увидела себя стоящей. Босиком. На холодном камне. Это было... это было прекрасно...

— Спасибо, — прошептала я в темноту.

— Не благодарите. Еще рано делать выводы. Магистр тоже не всесилен. Вы тянули слишком долго. Так что результат он не гарантирует.

Я открыла глаза. Он смотрел на меня без жалости. Только с холодной, аналитической оценкой.

— Тогда брак не нужен. Раз вы и так платите.

— Нужен.

Надежда захлебнулась, натываясь на стену его упрямства.

— Почему? — удивилась я. — Врача вы мне даете. Долг перед вашей совестью закрыт.

Он поднялся. Подошел к окну, вглядываясь в серую пелену дождя.

— Потому что врач починит ваш позвоночник. Но не мою репутацию. Король давит. Совет лордов шепчется. Если я просто дам вам денег, меня назовут трусом, который банально откупился. А мне это сейчас невыгодно. Газеты уже назначили меня бессердечным чудовищем, которое отправляет цветы танцовщице, пока его спасительница учится жить без ног.

Глава 54

Он обернулся. В полумраке его лицо казалось высеченным из льда.

Я отвела глаза.

— Разве это неправда?

— Цветы были отправлены до происшествия.

— Так это были не единственные цветы.

— Это да. Я действительно восхищен этим редким магическим даром, который в наше время почти не встречается. Разве это плохо? Моя жизнь после происшествия не остановилась.

— Вот видите...

— Ладно, мы отвлеклись. Пора переходить к сути. — Он подошёл ближе. — Если я просто оплачу ваше лечение, статьи не прекратятся. Одни напишут, что я пытаюсь откупиться. Другие — что я обязан обеспечить вас до конца жизни. Третьи потребуют, чтобы я ежедневно сидел у вашей кровати и благодарил за спасение, которого не просил.

Он придвинулся ближе, а я почувствовала запах его духов. Сладость с нотой пряной горечи. Я жадно втянула его в себя, словно пытаюсь запомнить хоть что-то, кроме того мерзкого запаха, который осел в этой комнате.

— Видите ли, мисс Моллард. Обществу нужна жертва. Ему нужно видеть, как я склоняю голову перед вашим по-

двигом.

— И вы предлагаете принести в жертву нас обоих?

— Я предлагаю сделку. — Он вернулся к креслу, но не сел. Навис надо мной. От него веяло холодом горных вершин. — Брак. На один год.

Мелли в углу сдавленно пискнула.

— Публичная, роскошная свадьба, — продолжил он, и его голос звучал так, словно он зачитывает смертный приговор. — Вы переезжаете в мое поместье. Получаете лучших врачей, уход, защиту от вашей семейки. И если у меня будет очень хорошее настроение, вы можете шепнуть мне всего пару слов. И завтра с утра все газеты будут рассказывать про еще один или даже два... несчастных случая, которые произошли в вашей семье. Один за другим.

Он улыбнулся. Его улыбка заставила меня сглотнуть, и я разозлилась на себя за эту совершенно неуместную реакцию.

— А взамен? — сипло спросила я.

— Играете роль моей обожаемой супруги. На приемах. Для прессы. Перед королем. Мы играем свадьбу. Достаточно красивую и публичную, чтобы у газет не осталось сомнений в моей признательности и благородстве.

— Вы сами верите в собственное благородство? — усмехнулась я.

Его глаза сузились.

— Я верю в то, что общество легко принимает красивую картинку за истину. Ваша мать только что это доказала.

Я не нашлась с ответом.

— А когда двери спальни закрываются?

— О, здесь вы можете не переживать. У нас будут отдельные покои.

Я сглотнула. Горло было сухим, как пергамент.

— Вы не будете требовать... исполнения долга?

Его взгляд стал тяжелым, почти осязаемым. Он скользнул по моему телу, скрытому под грязным одеялом. В его глазах не было похоти. Только констатация факта.

— Супружеских обязанностей не существует в договоре, мисс Моллард. Ни с моей, ни с вашей стороны. Вы сломаны. Я — дракон. Мы не будем причинять друг другу неудобств.

Мелли отвернулась к стене, зажимая себе рот.

— Через год, — продолжил герцог, — мы подаём прошение о разводе. К этому времени общество найдёт себе другую душещипательную историю. И повод кого-то возненавидеть.

— А если я встану раньше? — спросила я, пытаясь представить то, что он сейчас говорит.

— Можем развестись раньше, если врачи подтвердят, что лечение завершено и ваше состояние стабильно.

— А если я... я не встану? Если лечение не поможет? — голос предательски дрогнул.

Глава 55

— Это ничего не изменит. Через триста шестьдесят пять дней вы получите свободу и пожизненную ренту. Достаточную, чтобы купить собственный дом и нанять армию слуг. Подальше отсюда.

Он кивнул в сторону двери, за которой скрылась мать.

— Я не хочу ваших денег, — произнесла я с твердостью.

— После года публичного брака вы будете иметь право на содержание по закону. Так и быть, я вас обеспечу. Мне не сложно.

— Я могу отказаться, — прошептала я, чувствуя, как в горле пересохло.

— Можете. Только я не понимаю, зачем ломать комедию и строить из себя бескорыстную, если на самом деле все упирается в деньги? — заметил герцог, глядя на меня с насмешкой.

— И откажусь.

— Обсудим через год, — отмахнулся он.

Меня начинало тошнить от его спокойствия. Он уже разложил мою жизнь на полочки. Прописал сроки, расходы и маршруты побега.

— Все условия будут зафиксированы на бумаге, — сказала я, чувствуя, как внутри закаляется что-то твердое и холодное.

— Мой нотариус уже составил предварительный брачный договор. Я подготовился к визиту. Как видите, — заметил герцог, доставая из внутреннего кармана бумаги. — Срок, условия развода и ваши требования будут внесены отдельно.

Я взяла их в руки, начиная читать каждую строчку внимательно и вдумчиво.

— Лечение оплачивается напрямую врачам.

— Да, — протянул герцог.

— Моя мать не получает доступа к вашим деньгам, — выдохнула я самое важное условие.

— Она не получит доступа даже к вашему новому адресу, если вы того пожелаете. Если надо, дворецкий лично выставит ее вон, — зевнул герцог, глядя на наши голые стены.

— Никаких любовников? — прочитала я, глядя с сомнением на этот пункт. — Вы что? Думаете, что я способна... эм... изменять?

— На всякий случай, — кивнул герцог. — Я прекрасно знаю вас, женщин. Было бы желание, возможность всегда найдется.

— У меня очередь под дверью не стоит! — вспылила я.

— Удивительно, — он склонил голову, и в его голосе проскользнуло что-то почти похожее на юмор, — учитывая вашу способность превращать несчастные случаи в предложения руки и сердца.

Жар хлынул к лицу. Я вспыхнула так, что почувствовала это даже кончиками ушей.

— Вы невыносимы.

— Мне уже говорили. И не раз.

— А где пункт про любовниц? — спросила я, скользя пальцем по бумаге.

Герцог медленно приподнял бровь.

— Вы ревнуете, не встав с постели?

— У меня, напоминая, парализованы ноги, а не голова. Я защищаю свою гордость, ваша светлость. — Я заставила себя выдержать его взгляд. — Я не собираюсь улыбаться для газетных фотографов, держа вас под руку, пока весь город будет шептаться, в чью постель вы ушли после бала. Либо мы оба играем в эту... назовем ее... липовую преданность, либо я откажусь прямо сейчас. И вы смело можете уходить. Вас никто не остановит.

Герцог посмотрел на меня долгим взглядом.

— Давайте сразу договоримся. Моя личная жизнь вас не касается.

Глава 56

Боль кольнула неожиданно. Глупо. Я ведь сама только что сказала, что не хочу мешать его счастливой жизни.

— Прекрасно, — произнесла я, и в моем голосе прозвучал вызов. — Тогда и моя личная жизнь не будет касаться вас.

Он усмехнулся.

— В течение года вы будете моей женой. Полагаю, с вашей личной жизнью можно повременить.

— Почему с вашей нельзя? — удивилась я.

Усмешка исчезла.

Мелли переводила взгляд с него на меня, словно наблюдала за поединком.

— Потому что это не предмет нашего соглашения, — отрезал он.

— Тогда станет предметом. Либо мы оба свободны, либо оба соблюдаем верность этому фиктивному браку. Либо брака не будет! Все просто.

Его глаза стали холоднее, но он не ответил сразу.

Воздух между нами наэлектризовался. Я видела, как пульсировала жилка на его шее. Одна мысль, что его «фиктивная» жена смеет выдвигать условия его личному времени, была для него дикой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.